

ПОСЕВНОЙ МАТЕРИАЛ

ОЛЬГА ВЕТЛУГИНА

Ольга Ветлугина

Посевной материал

«Автор»

2026

Ветлугина О.

Посевной материал / О. Ветлугина — «Автор», 2026

Агроном Лидия Корнева приезжает в Реченск на один сезон, чтобы вернуть к жизни заброшенное семенное хозяйство. Одиннадцать фермеров уже вложили деньги в будущий урожай, а их избранный председатель Сергей Ладожин должен защищать общий интерес — даже когда между ним и Лидией возникает чувство. Обнаруженная на поле инфекция превращает доверие в проверку поступками. Часть урожая придётся уничтожить, заказы сократить, деньги вернуть, а отношения раскрыть совету. Чтобы получить право остаться в городе, Лидия должна представить не красивый отчёт, а всю цену сезона. «Посевной материал» — современный любовный роман о взрослой близости, честности перед другими и любви, которая не даёт права решать за любимого человека.

© Ветлугина О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Пустое хранилище	6
Глава 2. Одиннадцать подписей	16
Глава 3. Старые клубни	24
Глава 4. Чужой трактор	33
Глава 5. Первая борозда	42
Глава 6. Дом на сезон	50
Глава 7. Аванс	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ольга Ветлугина

Посевной материал

От автора

Посадочный материал выбирают не по красивому виду. Важно знать, откуда он взят, что перенёс и что может передать следующему урожаю. С доверием между людьми происходит похожее: одного желания верить мало, если от решения зависят другие.

Эта история — о взрослом чувстве, которое возникает не в стороне от работы и обязательств, а прямо среди них. Лидии и Сергею нельзя доказать любовь жертвой за чужой счёт. Им придётся говорить о своей заинтересованности вслух, уступать место независимому решению и принимать результат, который может оказаться невыгодным.

Честность не всегда сохраняет всё. Иногда после неё остаётся меньше земли, денег и уверенности. Но только из того, что не пришлось прятать, можно выращивать следующий сезон.

Глава 1. Пустое хранилище

Замок на хранилище не поддался ни с первого раза, ни со второго. Лидия упёрлась ладонью в холодную железную дверь, потянула дужку на себя и снова повернула ключ. Внутри замка что-то сухо хрустнуло, но дверь осталась закрытой.

— Его приподнять надо, — сказал за спиной мужчина из имущественного отдела. — Не ключ. Замок.

Он представился Вадимом Петровичем ещё у ворот и с тех пор успел трижды напомнить, что приехал только передать объект, а хозяйственные советы давать не уполномочен. Лидия подхватила корпус замка снизу. Ключ повернулся легко, будто минуту назад не он задерживал их под мелким апрельским дождём.

Дверь пошла наружу вместе с присохшей к порогу полосой земли. Из темноты пахло сырой штукатуркой, старой мешковиной и картофелем, которого там уже не было.

Лидия не вошла сразу. Провела пальцем по внутренней стороне косяка, посмотрела на ржавую крошку на коже. Над дверью тянулся серый провод, исчезал под карнизом и больше нигде не появлялся.

— Свет есть?

— По документам — есть.

— А по выключателю?

Вадим Петрович вздохнул так, словно проверка выключателя относилась к новой форме муниципального контроля, придуманной лично Лидией. Нажал жёлтую клавишу возле входа. Ничего не произошло.

— Лампочки выкрутили, — решил он.

Лидия достала из кармана маленький фонарь. Луч выхватил бетонный проход, деревянные закрома по обеим сторонам и тёмные пятна на потолке. Один загром был завален обрывками шпагата, в другом лежала одинокая доска. На дальней стене белели цифры, написанные мелом: «12,4». Под ними кто-то позднее приписал: «не сходится».

Хранилище называлось пустым только в описи. В нём оставались чужая спешка, непросохшая вода, несколько зим без ремонта и слишком много вопросов к людям, которых сегодня здесь не было.

Лидия шагнула внутрь. Каблук рабочего ботинка скользнул по мокрому бетону. Она присела, коснулась пола и растёрла между пальцами мутную влагу.

— Крыша течёт?

— В акте указано: следы прежнего протекания.

— Пол мокрый сейчас.

— Дождь сейчас тоже идёт.

— Поэтому я и спрашиваю сейчас.

Вадим Петрович поправил папку под мышкой. Он был не злым и, кажется, даже не ленивым. Просто каждую вещь видел в тот момент, когда она превращалась в строку документа, а Лидии предстояло жить с вещами после того, как строки подпишут.

Она направила фонарь вверх. Вдоль стыка плит темнела свежая полоса. Капля набухла, сорвалась и упала в загром.

— Запишем действующее протекание, — сказала Лидия.

— Мы передаём по описи. Для дефектов есть отдельная комиссия.

— Тогда вызывайте отдельную комиссию.

— Сегодня?

— Дождь подходящий.

Он посмотрел на неё внимательнее. До этой минуты она, вероятно, была для него ещё одной временной управляющей: получила ключи, поставила подпись, через полгода отдала обратно вместе с объяснением, почему не получилось. Лидия знала этот взгляд. В областном хозяйстве на неё так смотрели поставщики, когда после смены владельца решили, что новый агроном не станет пересчитывать палеты. Тогда она пересчитала. Недостача оказалась не огромной, но достаточной, чтобы два человека перестали здороваться с ней в коридоре.

— У комиссии выезд по четвергам, — сказал Вадим Петрович.

— Сегодня четверг.

Он достал телефон.

Пока он звонил, Лидия прошла вдоль закровов. На табличках сохранились названия сортов, даты и номера партий. Последняя разборчивая дата была трёхлетней давности. Потом записи становились короче: просто год, потом два вопросительных знака, потом ничего. Вентиляционная труба у пола была забита соломой и серой пылью. Лидия посветила в решётку, не увидела просвета и сняла перчатку. Воздух из трубы не шёл.

Она открыла боковую дверь. За ней находилось маленькое помещение с весами, столом и шкафом. На столе лежала тетрадь, разбухшая от сырости. Первые страницы слиплись, последние были вырваны. В шкафу нашлись три пустые банки, рулон этикеток без надписей и старый халат.

— Это тоже по описи? — спросила Лидия, подняв тетрадь.

Вадим Петрович прикрыл ладонью телефон.

— Макулатуру можно списать.

— Я спрашиваю, что принимал предыдущий управляющий и что сдаёт город.

— Предыдущего управляющего полтора года как нет.

— А хозяйство есть.

Он отвернулся и снова заговорил в трубку. Лидия положила тетрадь на край стола. Выбрасывать она её не собиралась. Иногда одна цифра в старой записи стоила больше, чем новый красивый отчёт, особенно если речь шла о происхождении семенного картофеля. Но размытые страницы не превращались в доказательство только потому, что очень хотелось найти дешёвый запас.

С улицы донёсся звук мотора. К воротам подъехал тёмный пикап с прицепом. Мужчина за рулём выключил фары, вышел и накинул капюшон. Он был высокий, широкоплечий, двигался без суеты. С прицепа на него смотрели два оцинкованных воздуховода и связка деревянных реек.

— Это ещё кто? — спросил Вадим Петрович.

— Если вы не знаете, то точно не ваша комиссия.

Мужчина услышал и улыбнулся одним уголком рта.

— Ладожин Сергей. Кооператив «Реченский». Мы на десять договаривались.

— На осмотр, — уточнила Лидия. — Не на разгрузку.

— Поэтому я ничего не разгружаю.

Он остановился перед порогом и протянул руку. Ладонь была тёплая, сухая, с широким белым следом от часов. Лидия назвала себя, хотя он наверняка знал её имя: договор кооператива лежал у неё в рюкзаке, а его подпись стояла на каждой второй странице.

— Привёз образец реек и два куска воздуховода, — сказал Сергей. — Чтобы не объяснять на пальцах. Если хранилище годится, закажем остальное.

— Кто закажет?

— Обсудим.

— Это не ответ.

Улыбка исчезла не сразу, а будто была аккуратно убрана до следующего подходящего случая.

— Кооператив может дать дополнительный аванс. Если совет решит.

— А город?

Вадим Петрович закончил звонок и ответил вместо Сергея:

— Город передаёт помещение в имеющемся состоянии. Текущий ремонт — за счёт деятельности хозяйства.

— Деятельности пока нет, — сказала Лидия. — Есть обещания будущего урожая и деньги людей, которым этот урожай понадобится весной.

Сергей посмотрел внутрь хранилища. В сером свете дверного проёма его лицо стало жёстче.

— Я предупреждал совет, что здесь не склад из рекламного буклета.

— А совет предупреждал одиннадцать хозяйств?

— Все видели договор.

— Договор не капает с потолка.

Словно подтверждая её слова, в дальнем закрое звонко ударила капля.

Сергей переступил порог, но Лидия подняла ладонь.

— Подождите. Я ещё не приняла объект.

— Ботинки чистые.

— Дело не в ботинках.

Он вернулся под дождь без возражений. Это было так неожиданно, что Лидия на секунду пожалела о резкости. В прежнем хозяйстве любое её ограничение мужчины старше сорока сначала проверяли на прочность: шутили, проходили мимо, ссылались на опыт, а потом удивлялись, когда она останавливала работу. Сергей просто остался за порогом.

Подъехала белая муниципальная машина. Из неё вышли две женщины: начальница хозяйственного отдела Марина Крайнова и техник в синем плаще. Вадим Петрович заговорил первым, быстро и ровно, словно вся задержка была предусмотрена порядком передачи. Лидия не перебивала. Она слушала, как «мокрый пол» превращается в «локальное увлажнение», а текущая крыша — в «возможное нарушение герметичности стыка».

— Можно проще, — сказала она, когда он закончил. — Во время дождя вода попадает в третий и четвёртый закроем. Хранить там материал нельзя. Вентиляция не работает. Электричество не проверено. Журнал партий неполный.

Техник включила свой фонарь и вошла. Марина осталась снаружи рядом с Сергеем.

— Вы от кооператива? — спросила она.

— Да.

— Значит, заинтересованная сторона.

— Именно.

Лидии понравилось, что он не стал выдавать свою заинтересованность за общественную помощь. Но понравилось ей это слишком быстро, поэтому она вернулась к двери и наблюдала, как техник проводит пальцем по шву между плитами.

— Герметик отошёл, — сказала та. — И ливнёвка, похоже, забита. По вентиляции нужен электрик.

— Сколько займёт ремонт?

— Если материалы есть — два дня. Если закупка через город, сами понимаете.

— Я не понимаю. Назовите срок.

Марина Крайнова обняла папку обеими руками.

— До тридцати рабочих дней по обычной процедуре.

— Через тридцать рабочих дней мне нужно заканчивать подготовку к посадке, а не начинать сушить помещение.

— Поэтому вам предложен договор на сезон с хозяйственной самостоятельностью.

— Самостоятельность — это когда мне заранее называют расходы и дают распоряжаться доходом. А не когда я оплачиваю из чужих авансов дыру, которой в акте нет.

Дождь усилился. По жёлобу над ними побежала вода, перелилась через край и упала тяжёлой струёй рядом с Сергеем. Он сделал шаг в сторону.

— Давайте внесём дефекты, — сказала Марина. — Без оценки стоимости. После этого вы можете принять объект с замечаниями или отказаться. Но тогда распоряжение о вашем назначении прекращает действие.

Вот оно. Не угроза, не нажим, просто развилка, аккуратно положенная перед ней. Лидия могла не подписывать. Вернуться в областной центр, снять с хранения две коробки книг, которые не стала распаковывать после увольнения, и снова рассылать резюме. В тридцать девять лет ей уже не казалось, что любое новое место обязательно ведёт вверх. Иногда оно просто отодвигало день, когда придётся признать: прежняя жизнь закончилась, а следующая не началась.

Она приехала в Реченск не ради красивой идеи о земле. Земля не нуждалась в её красивых идеях. Ей требовались анализ, техника, люди, топливо, аккуратная маркировка и право выбросить больное, даже если за него уже заплатили. Лидии же требовалось место, где решение агронома ещё что-то значило.

— Вносим, — сказала она.

Техник устроилась у стола и начала писать. Лидия диктовала: протечка над третьим и четвёртым закромами, отсутствие тяги в напольных каналах, неработающее освещение, неизвестное состояние силовой линии, повреждённая наружная ливнёвка, неполный журнал прежних партий. Вадим Петрович дважды предлагал заменить «неработающее» на «непроверенное». Сошлись на том, что проверка при передаче результата не дала.

Сергей всё это время стоял под навесом. Когда бумаги были заполнены, он поднял с прицепа одну рейку.

— Теперь можно?

Лидия посмотрела на Марину.

— После подписи ключи ваши, — ответила та.

Лидия прочла акт целиком. Не по диагонали, хотя холод уже забрался под куртку и Вадим Петрович нетерпеливо постукивал ручкой по папке. В строке о составе имущества значились весы. Она вернулась в боковую комнату, встала на платформу и посмотрела на шкалу. Стрелка осталась на нуле.

— Весы тоже не работают.

— Они механические, — сказал Вадим Петрович.

— Механические вещи тоже ломаются.

Техник присела, заглянула под платформу и вынула застрявший обломок рейки. Стрелка дёрнулась, ушла к восьми килограммам, хотя платформа была пуста.

— Нужна поверка, — признала она.

В акт добавили ещё одну строку. Только после этого Лидия подписала три экземпляра и получила связку из семи ключей. Марина назвала их назначение, но два не подошли ни к одной двери. Их так и записали: «назначение не установлено».

Когда муниципальная машина уехала, Вадим Петрович задержался у своей старой «Лады».

— Вы не подумайте, что мы вам специально, — сказал он. — Тут до вас желающих было много. На словах.

— Я не думаю специально. Я фиксирую состояние.

— С таким подходом сезон коротким покажется.

— Он и так короткий.

Он хмыкнул, сел в машину и захлопнул дверь.

Лидия осталась с Сергеем посреди двора. За сетчатым забором тянулось поле, серое после снега. На дальнем краю лежали белые полосы, но в низине уже блестела вода. Сарай справа просел одним углом. За ним стоял трактор без переднего колеса. Всё хозяйство можно было охватить одним взглядом, и от этого оно не становилось понятнее.

— Поздравляю, — сказал Сергей.

— С чем?

— Ключи ваши.

Лидия подняла связку.

— Пять из семи.

Он рассмеялся. Смех оказался негромким и каким-то домашним, не подходившим к пустому двору. Лидия тоже улыбнулась, но сразу отвернулась к прицепу.

— Показывайте, что привезли.

Сергей внёс рейку в хранилище, положил поперёк закрома.

— Если поднять контейнеры от пола и дать воздух снизу, помещение можно использовать. Эти выдерживают вес. Воздуховод идёт вдоль стены, вентилятор ставится снаружи.

— Цена?

— С работой не считал.

— А без работы?

Он назвал сумму. Лидия достала блокнот и записала.

— Это цена для вашей фермы или для хозяйства?

— От одного поставщика.

— Ваша ферма покупает у него?

— Покупала осенью.

— Значит, у вас может быть скидка, которой не будет у меня.

Сергей прислонил рейку к стене.

— Вам обязательно начинать каждый вопрос так, будто я уже пытаюсь вас обмануть?

— Нет. Некоторые вопросы я начинаю так, будто вы представляете покупателей.

— Я их и представляю.

— Тогда вы заинтересованы получить хорошее хранилище подешевле. А я обязана показать, из каких денег оно оплачено и останется ли оно городу после сезона.

— Останется.

— Вы это решили?

— Нет. Это следует из договора аренды.

— Из договора следует, что неотделимые улучшения остаются городу. Эти воздуховоды отделимые. Их можно снять.

Он помолчал. Затем достал из внутреннего кармана сложенные листы.

— Хорошо. Вот смета, которую мы набросали до вашего приезда. Без решения совета. Без обещания оплаты. Я хотел показать вам вариант, а не поставить перед фактом.

Лидия взяла бумаги. Вверху было написано: «Предложение к обсуждению». Ниже стояли три цены на вентиляторы, стоимость реек, крепежа и электромонтажа. Отдельной строкой — доставка, в том числе сегодняшний прицеп: ноль рублей.

— Почему доставка ноль?

— Потому что я ехал сюда на своей машине.

— Бензин тоже ваш?

— Сегодня — мой.

— Так нельзя считать.

— Почему?

— Потому что потом окажется, что хозяйство держалось на бесплатных поездках, о которых никто не знал. А в следующем году бесплатные поездки кончатся.

Сергей провёл ладонью по лицу, стирая дождевую воду.

— Записать вам счёт за тридцать два километра?

— Записать, что осмотр обеспечен председателем кооператива без возмещения. Чтобы не выдавать это за обычную стоимость работы.

— Вы и чашку чая ставите на баланс?

— Если чай влияет на решение совета — поставлю.

Он посмотрел на неё, и Лидия приготовилась к новой шутке. Но Сергей кивнул.

— Тогда записывайте. Один осмотр. Тридцать два километра. Без возмещения. На решение совета не влияет.

Она записала. Смешно было обоим, но никто не засмеялся.

В боковой комнате они разложили документы на столе. Сергей вынес из машины термос и две металлические кружки. Лидия хотела отказаться, вспомнила собственные слова и спросила:

— Это повлияет на решение совета?

— Чай мой. Решение совета не моё.

— Тогда наливайте.

Чай был крепким, с чабрецом. Лидия согрела руки о кружку и открыла договор на странице с авансами. Общая сумма выглядела солидно, пока не начинала делиться на посадочный материал, анализы, горючее, оплату сезонным рабочим и ремонт. Одиннадцать хозяйств внесли не одинаково. У двух заказ был маленьким, почти семейным. У Сергея — одним из самых крупных.

— Деньги уже на отдельном счёте? — спросила она.

— В городской бухгалтерии открыт отдельный код поступлений.

— Код — не счёт.

— Нет. Счёт казначейский, общий. Но движение по коду видно.

— Мне нужен доступ к выписке.

— Вам дадут ежемесячный отчёт.

— Мне нужен доступ до расхода, а не после.

— Лидия, вы работаете с муниципальным хозяйством. Деньги не лежат у вас в ящике.

— Именно поэтому я не хочу узнавать в конце месяца, что ими закрыли чей-то долг за электричество.

Сергей отставил кружку.

— В договоре целевое назначение.

— В хранилище по документам есть свет.

Он снова посмотрел на потолок. Оттуда упала ещё одна капля.

— Справедливо, — сказал он. — Что вы предлагаете?

— По каждому расходу я подаю заявку с назначением. Копия уходит представителю кооператива и в общую папку, доступную всем одиннадцати участникам. После оплаты туда же кладут сумму и получателя. Раз в две недели сверяем остаток.

— Общая папка где?

— Хоть на полке в вашем офисе, если город боится электронных документов. Мне всё равно. Важно, чтобы фермер из Дальних Ключей мог увидеть те же цифры, что и вы.

— В Дальних Ключах связь появляется возле пожарной вышки.

— Значит, бумажная копия и электронная. Без сложных систем.

— Бухгалтерия вас полюбит.

— Мне не нужна любовь бухгалтерии.

Слова повисли между ними чуть дольше, чем должны были. Сергей первым опустил взгляд в смету.

— А чья любовь вам нужна?

Он спросил легко, почти машинально, но Лидия почувствовала, как внутри что-то подбилось. За последние месяцы ей слишком часто задавали вопросы, замаскированные под участие. Почему ушла? Почему одна? Не тяжело ли начинать заново? Каждый вопрос предполагал правильный ответ, успокаивающий собеседника.

— Сейчас — электрика, который скажет правду про силовую линию.

Сергей улыбнулся.

— Это можно устроить. Его зовут Аркадий Семёнович, и любовь у него дорогая.

— Пусть выставит цену.

— Непременно.

Он позвонил электрику и договорился на вторую половину дня. Не пообещал оплату, не назвал работу решённой, только спросил стоимость осмотра и записал её рядом со сметой. Лидия заметила это и ничего не сказала.

Они вышли во двор. Дождь стал реже. Сергей показал на поле.

— Там сто двадцать гектаров по старой карте.

— По новой выписке сто восемь пригодных. Остальное заболочено и заросло.

— Кооператив рассчитывал хотя бы на девяносто под посадку.

— Кооператив рассчитывал до обследования.

— Заказ собран под девяносто.

— Заказ — не площадь.

— Но партия должна откуда-то взяться.

Лидия подошла к краю бетонной площадки. Под подошвой чавкнула земля. В низине стояла вода, над ней торчали прошлогодние стебли. На северной стороне поля темнела полоса кустарника. Даже отсюда было видно, что старый дренаж не справляется.

— Если я посажу девяносто только потому, что вы собрали заказ, осенью вы получите смесь здорового материала, сомнительного материала и красивых отчётов, — сказала она. — Я ещё не знаю, где были очаги болезней, чем обрабатывали почву и какие участки можно отделить техникой. Возможно, посеем меньше.

— Насколько меньше?

— После обследования.

— Людям нужен ориентир.

— Ориентир такой: я не обещаю тоннаж до того, как узнаю поле.

Сергей засунул руки в карманы куртки. Ветер прижал ткань к его груди. Он смотрел не на неё, а на дальнюю межу.

— Вы понимаете, что они внесли деньги потому, что в прошлом году покупали материал за три области отсюда? Доставка съела всё, что они сэкономили на цене. Двое вообще посадили остатки своего урожая.

— Понимаю.

— А звучит так, будто вам всё равно.

Лидия повернулась к нему.

— Если бы мне было всё равно, я бы назвала девяносто гектаров, получила одобрение и разбиралась с последствиями в сентябре. Мне не всё равно, поэтому сейчас вы слышите неприятное.

Он встретил её взгляд. Глаза у него оказались светло-карими, с тёмным ободком. Лидия разозлилась на себя за то, что заметила.

— Хорошо, — сказал Сергей. — Какое первое решение вам нужно от кооператива?

— Никакое. Сначала мне нужны карты полей, прежние анализы и перечень того, что город считает имуществом хозяйства. Потом я предложу варианты.

— У нас есть копии двух старых анализов.

— Откуда?

- Один участник раньше работал здесь механиком. Сохранил.
- Копии принимаю как подсказку, не как основание.
- Разумеется.

Он сказал это без насмешки. Лидия посмотрела на хранилище. Открытая дверь казалась чёрным прямоугольником в облупленной стене. До утра это место существовало для неё в папках: площадь, назначение, остаточная стоимость. Теперь у него были запах, температура и вода на полу. Страх тоже стал конкретным. Он больше не был страхом начать не там и не с теми. Он был страхом не успеть просушить третий заком, заказать материал без подтверждённого остатка денег, посадить лишнее, потому что одиннадцать человек уже надеются на урожай.

Конкретный страх был полезнее общего. Его можно было разложить на действия.

Лидия открыла новую страницу блокнота.

— Сегодня: электричество, крыша, вентиляция. Завтра: поле и документы по технике. До первого расхода: порядок учёта авансов. До закупки посадочного материала: подтверждённая площадь и отдельные партии.

- Вы всегда разговариваете списками?
- Когда вокруг много людей с памятью — особенно.
- Я запомню.
- Запишите.

Сергей достал телефон. Лидия ожидала, что он снова улыбнётся, но он набрал её четыре пункта и показал экран.

- Так?
- Добавьте: никакой закупки от имени хозяйства без моей заявки.
- Я не могу запретить участникам купить что-то за свои деньги.
- Для себя — пожалуйста. Для хозяйства — только после решения, кому принадлежит покупка и как она учитывается.

Он добавил строку.

- Так?
- Так.

К полудню дождь прекратился. Они вынесли из хранилища мокрый шпагат и сломанную доску, но Лидия остановила Сергея, когда он взялся за разбухшую тетрадь.

- Она остаётся до описи.
- Там плесень.
- Положим отдельно и высушим страницы. Может сохраниться номер партии.
- А если не сохранится?
- Тогда выбросим после записи, что именно выбросили.

Сергей нашёл в машине пластиковый ящик. На дно положили две рейки, сверху — раскрытую тетрадь, чтобы страницы не касались пластика. Работа была маленькой и почти бессмысленной на фоне пустого склада, но после неё помещение стало казаться принятым не только на бумаге.

Аркадий Семёнович приехал в три, в ватнике и резиновых сапогах. Осмотрел щиток, попросил всех выйти, потом долго молчал. Наконец показал на оплавленный автомат.

— Включать нельзя. Кабель до вентилятора целый, а ввод надо менять. Кто-то поставил автомат помощнее, чтобы не выбивало. Он и не выбивал. Грелся.

- Сколько? — спросила Лидия.
- Электрик назвал цену материалов и работы. Сергей тихо присвистнул.
- Официально сможете? — спросила Лидия.
- С договором, чеком и актом. Только быстро не обещаю. Материалы везти.
- Срок?
- Если завтра оплатят, к понедельнику сделаю.

Лидия записала. Первый расход уже был больше, чем ей хотелось, но без него нельзя было проверить вентиляцию, освещение и весы. Она сфотографировала щиток, маркировку автомата и показания прибора электрика.

— Зачем вам столько фотографий? — спросил Аркадий Семёнович.

— Чтобы через месяц никто не решил, что старый автомат был хорошим.

— Он не хороший. Он опасный.

— Скажите это ещё раз на видео.

Электрик сказал. Чётко, без раздражения. Сергей держал фонарь, пока Лидия снимала.

Когда они снова остались вдвоём, солнце пробилось между облаками. Мокрые крыши на окраине Реченска блестели за полем. Воздух пах талой землёй и железом.

— Я отвезу смету в совет сегодня, — сказал Сергей. — Но собрать всех раньше субботы не получится.

— Расход срочный.

— Да.

— Тогда у вас должен быть порядок срочного согласования.

— Есть телефонное голосование с последующим протоколом.

— Все одиннадцать увидят сумму?

— Все члены совета. Их пятеро.

— А остальные шестеро увидят решение и остаток аванса после оплаты.

— Если бухгалтерия даст выписку.

— Не «если».

Сергей прикрыл глаза, подставляя лицо солнцу.

— Вы ещё не потратили ни рубля, а я уже чувствую себя человеком, который что-то скрыл.

— Это пройдёт, когда станет видно, что вы ничего не скрыли.

Он открыл глаза.

— А у вас это проходит?

— Что?

— Ощущение, что от вас что-то скрывают.

Лидия хотела ответить привычно: когда вижу документы. Но документы утром утверждали, что в хранилище есть электричество и исправные весы. Она посмотрела на связку ключей, висевшую у неё на пальце.

— Не сразу, — призналась она.

Сергей кивнул так, будто получил достаточно.

Перед отъездом он снял воздуховоды с прицепа, но не понёс к складу.

— Оставить здесь нельзя, — сказала Лидия. — До решения это ваше имущество.

— Я и не оставляю.

Он закрепил их заново. Потом достал из кабины прозрачную папку и подал ей.

— Копии анализов. И список участников с телефонами. Личные номера помечены, кто разрешил звонить напрямую.

— А кто не разрешил?

— Через меня или секретаря кооператива.

Лидия пролиستала список. Рядом с каждым хозяйством стояли заказ, сумма аванса и два сорта, иногда три. У одного заказа красной ручкой было написано: «только ранний». У другого: «готовы на замену после согласования». Это были уже не просто деньги. За строками угадывались участки, семьи, чужая весна.

— В субботу они приедут? — спросила она.

— Совет — точно. Остальных приглашу.

— Не приглашайте всех пока. Сначала мне нужно понять, что я могу предложить.

— Бояться неудобных вопросов не в вашем стиле.

— Я боюсь удобных ответов, данных слишком рано.

Он задержал на ней взгляд, потом сел в машину.

— Заприте дверь, — сказал Сергей через открытое окно. — Здесь иногда таскают металл.

— По документам охрана есть.

Он рассмеялся.

— Теперь вы быстро учитесь.

Пикап развернулся во дворе и выехал за ворота. Лидия смотрела, пока прицеп не скрылся за тополями. Ей следовало думать о смете, но она вспоминала, как Сергей без спора остался за порогом и как записал пятый пункт в телефон. Это ещё ничего о нём не доказывало. Вежливость на один день стоила недорого.

Она вернулась в хранилище. В солнечном свете оно выглядело хуже, чем утром. Стали видны трещины в штукатурке, плесень у пола, перекошенные доски. И всё же пустота перестала казаться окончательным приговором. Пустое можно было вычистить. Опаснее было бы полное хранилище клубней, происхождение которых никто не мог подтвердить.

Лидия поставила на стол пластиковую папку, открыла журнал и написала первую запись.

«Десятое апреля. Объект принят с замечаниями. Остаток пригодного посадочного материала — не подтверждён. Расходы из авансов — после открытого согласования и с публикацией движения средств для участников кооператива».

Она остановилась. Последняя фраза пока не была правилом, только её условием. Город мог отказаться, бухгалтерия — сослаться на порядок, совет — решить, что она усложняет простую работу. Тогда ей придётся выбирать: уступить в начале или уйти, едва получив ключи.

Лидия дописала: «До подтверждения порядка средства не расходовать».

Сфотографировала страницу и отправила Марине Крайновой и Сергею. Через минуту Марина ответила: «Обсудим с бухгалтерией». Сергей написал: «Получил. Вынесу на голосование вместе с электрикой».

Лидия закрыла журнал, проверила окна и вышла. Замок снова заупрямился. Теперь она знала, как его приподнять.

У ворот ветер шевелил прошлогоднюю траву. За мокрым полем поднимался светлый пар, и в нём граница между пригодной землёй и заболоченной низиной почти исчезла. На бумаге можно было провести ровную линию. В поле каждая линия требовала пройти её ногами.

Лидия убрала ключи во внутренний карман. На один сезон у неё было пустое хранилище, поле без проверенной истории и деньги одиннадцати хозяйств, которых она ещё не знала. Этого было недостаточно для обещанного урожая.

Но достаточно, чтобы не начинать со лжи.

Глава 2. Одиннадцать подписей

К началу собрания на столе лежали одиннадцать договоров, но стульев в комнате было только девять.

Сергей принёс из коридора ещё два. Один оказался с расшатанной спинкой, второй был ниже остальных, детский, из бывшей группы продлённого дня. Здание кооператива раньше принадлежало начальной школе, и следы прежней жизни попадались в самых неожиданных местах: крючки для курток на уровне пояса, выцветшая таблица умножения за шкафом, нарисованная белка на двери туалета. Когда кооператив только создавали, Сергей считал это временным неудобством. На четвёртом году белка всё ещё держала нарисованный орех.

— Председателю детский, — сказала Надежда Чиркова, входя с папкой под мышкой. — Чтобы не забывал, кто тут самый главный.

— Главных будет одиннадцать.

— Тогда детский вам точно. Остальные хотя бы знают, чего хотят.

Надежда поставила на стол круглую коробку с печеньем, сняла платок и сразу начала сверять бумаги. Ей было пятьдесят шесть, она держала пятнадцать гектаров картофеля с братом и взрослой дочерью и говорила о деньгах без смущения, будто речь шла о погоде. Именно поэтому два года назад Сергей настоял, чтобы её выбрали заместителем председателя.

— Это что? — Она постучала ногтем по верхнему листу.

— Предложение Корневой по учёту авансов.

— Уже предложение? Она хозяйство вчера приняла.

— Позавчера.

— Тем более. Быстрая.

— Тебе не понравится.

— Значит, полезное.

Надежда прочла лист стоя. Сергей открыл окно. В комнате пахло мелом, старым линолеумом и кофе, который секретарь Тамара сварила в маленькой кухне. С улицы доносился грохот: напротив разгружали доски возле магазина стройматериалов.

Сергей почти не спал после осмотра хранилища. Сначала обзванивал членов совета по срочному ремонту, потом объяснял бухгалтеру города, почему кооперативу нужен не ежемесячный отчёт, а копии расходов по мере оплаты. Ночью вернулся на ферму, проверил отёл у молодой коровы и до двух часов чинил поилку. Утром обнаружил в телефоне фотографию первой страницы нового журнала. Последняя строка, написанная Лидией, не стала мягче: до подтверждения порядка средства не расходовать.

Она не просила разрешения поставить условие. Просто назвала точку, после которой не пойдёт дальше.

Сергей злился на эту уверенность и завидовал ей. Председатель не мог поставить точку один. Даже когда решение казалось очевидным, за ним стояли люди с разными землями, долгами и привычками. Он мог собрать их, дать цифры, остановить явную глупость. Но если начинал считать свои интересы общими, кооператив превращался в продолжение его фермы.

— Мне нравится, — сказала Надежда.

— Быстро ты.

— Чего тут думать? Заявка, оплата, остаток. Я и у себя так веду.

— Городская бухгалтерия не обязана подстраиваться под твою тетрадь.

— Зато наши деньги обязана отличать от своих.

Она дошла до строки о бесплатной поездке Сергея и подняла брови.

— Тридцать два километра без возмещения. Это зачем?

— Чтобы потом не говорили, будто доставка всегда бесплатная.

- Корнева придумала?
- Да.
- Всё-таки полезная.
- Ты видела её один раз.
- А ты два?

Сергей закрыл окно чуть резче, чем собирался. Надежда усмехнулась, но продолжать не стала.

Люди начали съезжаться за двадцать минут до назначенного времени. Первыми пришли супруги Шевцовы. Договор был оформлен на Галину, хотя на собраниях говорил обычно её муж Пётр. Следом появился Артём Брагин из Дальних Ключей — молодой, худой, в куртке с оторванной кнопкой. Он оставил машину у пожарной вышки, потому что только там утром поймал сообщение о собрании, а последние семь километров его подвёз сосед.

К шести часам в комнате сидели представители всех хозяйств. Не все были членами совета и не всем требовалось голосовать сегодня, но Сергей решил открыть обсуждение для одиннадцати. Если правило касалось общих денег, пересказ после решения был хуже лишнего часа споров.

Он отметил присутствующих. Надежда Чиркова. Галина Шевцова. Артём Брагин. Виктор Сысоев. Елена и Константин Меньшова, у которых договор был один на семейное хозяйство. Илья Устинов. Раиса Савельева. Михаил Долгов. Зоя Карпова. Андрей Курбатов. Сергей поставил галочку и напротив своей фамилии. Одиннадцать договоров, одиннадцать авансов, одиннадцать представлений о том, что значит справедливо.

— Начнём со срочного, — сказал он. — В хранилище опасный вводной автомат. Электрик запретил включение до замены. Без электричества нельзя проверить вентиляцию и освещение. Сумма материалов и работы — здесь.

Он передал по кругу смету и положил рядом фотографию оплавленного автомата. Михаил Долгов сразу спросил, нельзя ли найти дешевле. Надежда попросила назвать срок. Артём поинтересовался, кто принял прежние работы. Вопросы посыпались ожидаемые и правильные.

— Предыдущего акта по щитку нет, — ответил Сергей. — Есть акт передачи с замечанием Корневой и видео электрика. Вторую цену запросили утром. Она ниже на две тысячи, но срок — три недели. Нам нужен ввод к понедельнику, иначе задерживается проверка вентиляции.

— Почему мы вообще ремонтируем городское? — спросил Виктор Сысоев. — Пусть город и платит.

— Если ждать обычную закупку, срок до тридцати рабочих дней.

— Пусть Корнева требует. Ей договор дали.

— Она потребовала внести дефект в акт. Внесли. По договору текущий ремонт оплачивается из деятельности хозяйства.

— Очень удобно, — сказал Виктор. — Город отдал сарай, мы починили, осенью они другого управляющего поставили.

— Поэтому воздуховоды пока не покупаем, — вмешалась Надежда. — Электрика без вариантов. Или вы хотите хранить свой картофель в тёмном мокром сарае?

— Я хочу понимать, что останется моим.

Сергей развернул перед собой договор.

— Вашим останется право получить партию по условиям заказа либо возврат в предусмотренных случаях. Щиток вашим не станет.

— Отличный ответ председателя.

— Честный.

Виктор откинулся на спинку. Он держал самое крупное после Сергея картофельное хозяйство и привык считать прямогу уважительной только тогда, когда говорил сам.

— А если партия будет меньше? — спросила Зоя Карпова. — Я здесь не вижу, что тогда. Это был вопрос не про щиток. Но все сразу замолчали.

Зоя внесла небольшой аванс. Её двенадцать гектаров не выглядели значительными рядом с участками Сергея или Виктора, зато другого дохода у её семьи не было. В прошлом году она купила посадочный материал поздно и переплатила за доставку. В этом году вступила в кооператив именно ради общей партии.

— Сейчас мы голосуем только за ремонт, — сказал Сергей.

— Деньги одни и те же.

— Да. Поэтому второй вопрос — порядок учёта. А объём Корнева назовёт после обследования полей и источников материала.

— В договоре объём есть, — сказал Пётр Шевцов.

Галина положила ладонь ему на рукав.

— Там предварительный объём, — поправила она. — Я читала.

— Мы все читали.

— Ты не дочитал приложение.

По комнате прошёл смешок. Пётр замолчал, но обиженно не выглядел. В семье Шевцовых такие поправки, видимо, давно стали обычным способом делить обязанности.

Сергей раскрыл нужную страницу.

— Предварительный объём зависит от пригодной площади, результатов обследования и выхода здоровой партии. Это не даёт хозяйству права уменьшать заказ как удобно. Все причины должны быть подтверждены. Но обещать сегодня точную цифру я не буду.

— А Корнева будет? — спросил Виктор.

— Нет.

— Тогда зачем мы её взяли?

Сергей почувствовал раздражение, слишком сильное для обычного спора. Перед глазами возникла Лидия у края поля, мокрые волосы выбились из-под шапки, блокнот лежал на ладони. «Я боюсь удобных ответов, данных слишком рано».

Он не имел права защищать её потому, что запомнил эту фразу. Только потому, что её позиция была верной.

— Чтобы она вырастила здоровый материал, а не назвала приятную цифру, — сказал Сергей. — Вернёмся к электрике.

Члены совета проголосовали. Четыре голоса за срочный ремонт, один — против. Против был Виктор. Сергей записал решение и время. Тамара приняла протокол, чтобы утром отнести в бухгалтерию.

— Теперь учёт, — сказал Сергей. — Предложение управляющей: до каждого расхода заявка с назначением; после оплаты — сумма, получатель и новый остаток. Доступ для всех участников, электронная копия и бумажная здесь, в офисе. Сверка раз в две недели.

— До каждого расхода мы будем голосовать? — спросил Андрей Курбатов.

— Нет. Голосование требуется там, где оно предусмотрено договором или превышен предел самостоятельной закупки. Остальные заявки просто видны до оплаты.

— Зачем до? — спросил Михаил. — Увидим после, если что не так — спросим.

Надежда ответила раньше Сергея:

— После оплаты можно только ругаться. До оплаты иногда можно заметить ошибку.

— И устроить одиннадцать советчиков на каждую канистру бензина.

— Совет не равен запрету, — сказал Сергей. — Право расхода остаётся у управляющей в пределах договора. Видимость расхода не даёт нам право командовать ею.

— Тогда это показуха.

— Нет. Если закупка уйдёт не на хозяйство, мы увидим её сразу. Если расходы съедают запас быстрее плана, тоже увидим. Корнева предлагает отвечать цифрами до того, как возникнут слухи.

— А сама она сюда приедет? — спросила Раиса Савельева.

— На общее собрание после обследования. Сегодня я попросил её не ехать: у неё электрик и приёмка техники.

Это была не совсем правда. Лидия не просила переносить встречу; наоборот, Сергей сам решил, что первый разговор о правилах кооператив должен провести без неё. Но говорить «я решил за неё» ему не хотелось даже в мелочи.

— Она знает, что мы обсуждаем? — уточнила Раиса.

— Да. Получит протокол.

— А почему предложение от неё, а не от нас? — Пётр Шевцов снова подался вперёд. — Мы деньги дали. Мы и должны были потребовать отчёт.

— Надо было, — сказала Галина.

Пётр посмотрел на жену и снова сел прямо.

Сергей обвёл взглядом комнату. Он мог сказать, что кооператив и прежде получал отчёты. Это было бы правдой. Раз в месяц бухгалтерия присылала таблицу, в которой общие суммы сходились. Но до вчерашнего дня никто не потребовал, чтобы каждый участник видел движение именно своего общего аванса почти сразу. Они слишком увлеклись тем, что впервые нашли площадку и агронома, готового взять заброшенное хозяйство.

— Потому что мы торопились запустить работу, — сказал он. — И решили, что строки целевого назначения достаточно. Корнева показала слабое место раньше, чем через него ушли деньги. Я предлагаю принять порядок.

— Ты предлагаешь или она требует? — спросил Виктор.

— И то и другое.

— Удобно.

— Виктор, скажи прямо, что тебя не устраивает.

— Меня не устраивает, что человек приехал на сезон и в первый день выставляет условия тем, кто вложился.

— Деньги не покупают право скрывать от других вкладчиков расходы.

— Я не про скрывать. Я про доверие.

— Доверие не заменяет выписку.

Сергей произнёс это и сразу понял, что повторил Лидию почти дословно. Надежда заметила: посмотрела на него поверх очков, потом снова опустила глаза в лист.

Виктор постучал пальцами по столу.

— Хорошо. Пусть будет выписка. Только у меня встречное условие: публикуются и её расходы, и все бесплатные услуги. Кто дал трактор, кто возил, кто работал без оплаты. Чтобы потом никто не получил больше клубней за доброту.

— Это уже есть в предложении, — сказал Сергей и показал строку о своей поездке.

Виктор прочитал. Его лицо изменилось едва заметно: готовое возражение оказалось использовано до него.

— Тогда голосуем.

Порядок приняли единогласно. Участники, не входившие в совет, поставили подписи под листом ознакомления. Сергей передавал ручку по кругу и видел, как одинаковое действие означало для каждого своё. Надежда подписала быстро, не перечитывая второй раз. Артём медленно вывел фамилию и сфотографировал лист на телефон. Зоя сначала спросила, можно ли получить копию на бумаге. Галина расписалась за хозяйство, а Пётр поставил рядом пометку «ознакомлен», хотя юридически этого не требовалось. Виктор нажал так сильно, что кончик ручки прорвал бумагу.

Одиннадцать подписей не делали интересы одинаковыми. Они только подтверждали, что правило услышано всеми.

— Теперь о сортах, — сказал Сергей. — Это не голосование. Мне нужно обновить заявки до встречи с Корневой.

Комната сразу ожила. Михаилу требовался среднеранний сорт, который выдержит перевозку. Шевцовы хотели два: ранний на рынок и поздний для хранения. Артём соглашался на замену, если цена не вырастет. Виктор требовал только тот сорт, который указал в договоре. Зоя готова была взять меньший объём, но не позже определённого срока, иначе не успевала подготовить участок.

Сергей писал на доске. Через десять минут стало ясно, что слово «партия», которым они так легко пользовались зимой, скрывает не одну общую потребность, а несколько несовместимых. Посадочный материал нельзя было разделить как муку из одного мешка. Сорт, происхождение, срок готовности и состояние клубней имели значение. Даже одинаковое количество не означало одинаковой пользы.

— У меня в договоре замена только по согласованию, — напомнил Виктор.

— У всех по согласованию.

— Тогда красным отметить.

— Красным отмечены те, кто вообще не рассматривает замену.

— Я не рассматриваю.

— Зимой рассматривал.

— Зимой была другая цена на топливо.

Сергей исправил отметку. Спорить о последовательности не имело смысла: решение Виктора изменилось, а заставить его принять другой сорт кооператив не мог.

— Если каждый будет менять заявку до посадки, Корнева ничего не спланирует, — сказала Надежда.

— Есть крайний срок, — ответил Сергей. — Сегодня фиксируем изменения. Дальше только по взаимному согласию.

— А если обследование покажет, что нужного сорта не будет? — спросил Артём.

— Тогда хозяйство предложит замену или возврат по договору.

— Возврат когда?

— После расчёта обязательств.

— Это осенью?

Сергей посмотрел в договор. Формулировка позволяла возврат до окончания сезона. Для крупного хозяйства задержка была неприятной. Для Артёма могла означать, что он вообще не купит материал вовремя.

— Уточню у бухгалтера и Корневой, можно ли возвращать по отказанным позициям сразу после решения, — сказал он.

— Запиши в протокол, — потребовала Надежда.

Тамара записала.

К восьми вечера кофе закончился, печенье осталось только поломанное, а доска была покрыта разноцветными пометками. Сергей чувствовал усталость между лопатками и сухость в горле. Но теперь у них был не воображаемый общий заказ, а список условий, с которыми можно идти к Лидии.

— Последнее, — сказал он. — Осмотр хозяйства показал, что площадь нельзя подтвердить до обследования. Старая карта даёт сто двадцать гектаров, новая выписка — сто восемь пригодных, на части стоит вода. Корнева не обещает девяносто гектаров посадки.

— Сколько обещает? — спросил Михаил.

— Ни одного до обследования.

Недовольный гул был громче, чем Сергей ожидал. Люди заговорили одновременно. Он не стучал ручкой по столу и не повышал голос. Просто ждал. Постепенно разговор стих.

— Нам нужна хоть нижняя граница, — сказала Галина. — Иначе мы не знаем, искать ли ещё поставщика.

— Согласен. Попрошу Корневу дать срок, когда появится предварительный диапазон.

— Не диапазон, а объём, — сказал Виктор.

— Сначала диапазон. Точный объём до выхода урожая никто честно не даст.

— Другие дают.

— Другие продают то, что уже лежит в хранилище. У нас оно пустое.

Слова прозвучали жёстко. Сергей увидел, как Зоя сжала губы. Она не спорила из упрямства; она считала недели до посадки и деньги, которых не было на второй заказ.

— Я завтра передам Корневой ваши сроки, — добавил он. — Не только сорта и тонны. Если для кого-то поздний отказ равен потере сезона, это должно быть видно отдельно.

— И что это изменит? — спросила Зоя.

— Возможно, ничего. Но решения нельзя принимать так, будто для всех цена ожидания одинаковая.

Она кивнула.

Собрание закончилось в половине девятого. Люди расходились медленно, продолжая спорить в коридоре. Тамара выдала каждому копию правила учёта и записала, кому отправить электронную. Артём договорился забирать бумажные отчёты у Надежды, когда бывает в городе. Пётр Шевцов взял два экземпляра, хотя Галина сказала, что дома у них один шкаф.

Виктор задержался у двери.

— Ты слишком быстро встал на сторону Корневой, — сказал он.

— Я встал на сторону открытых цифр.

— Это пока одно и то же.

— Нет.

— Посмотрим.

Он ушёл. Сергей не стал догонять.

Надежда собирала кружки. Когда в комнате остались только они, она спросила:

— Она тебе понравилась?

Сергей сложил договоры в стопку.

— Как специалист — да.

— Я не про специалиста.

— Ты видела её один раз.

— А ты теперь три?

— Два.

— Значит, считаешь.

Сергей поставил стопку в шкаф и запер дверцу. Он не собирался обсуждать с Надеждой лицо Лидии, её сухие руки вокруг металлической кружки или то, как она призналась, что недоверие проходит не сразу. Не потому, что в этом было что-то серьёзное. Наоборот: пока ничего не было, любая шутка делала случайное внимание больше, чем оно заслуживало.

— Я считаю встречи по договору, — сказал он.

— Конечно.

— Надежда.

Она перестала улыбаться.

— Ладно. Тогда как заместитель председателя скажу. Если понравилась — не беда. Беда будет, если ты первым начнёшь верить ей без бумаг или первым же подозревать, чтобы доказать обратное.

Сергей закрыл шкаф на второй оборот.

— Я знаю.

— Знать мало.

— Что предлагаешь?

— Пока ничего. Поэтому и говорю сейчас, когда ничего.

Она взяла коробку с остатками печенья и ушла. Сергей остался перед доской. Красные, синие и зелёные строки пересекали её от края до края. Он сфотографировал список, затем стёр имена и оставил только общие числа для электронной папки. Личные телефоны и семейные обстоятельства не должны были лежать рядом со сметами.

На столе нашёлся забытый лист. Это была заявка Зои Карповой, на обороте которой она записала от руки: «Если отказ позже 15 мая, новый материал купить не смогу». Сергей положил лист отдельно.

Он позвонил Лидии. Она ответила после третьего гудка. На фоне гремело железо.

— Не мешаю?

— Мы с механиком открываем гараж. Что решили?

Не «как прошло», не «все ли согласились». Сразу — что решили.

— Электрику одобрили. Четыре к одному. Порядок учёта — единогласно. Все участники ознакомлены, не только совет.

На том конце стало тише.

— Бумажная копия где?

— В офисе кооператива. Электронную Тамара заведёт утром. Артём Брагин будет получать бумагу через Надежду, у него плохая связь.

— Хорошо.

Одно слово, а Сергей почувствовал удовлетворение, будто сделал что-то лично для неё. Это было опасно именно своей безобидностью.

— Не спешите радоваться, — сказал он. — Есть вопросы по возвратам, если какой-то сорт отпадёт рано. И людям нужен срок предварительной оценки площади. Не точный урожай. Хотя бы нижняя и верхняя граница.

— Завтра посмотрю поле. Через три дня дам рабочую площадь по участкам, если получу карту обработок.

— Старой карты недостаточно?

— На ней нет двух последних сезонов.

— Прежнего управляющего не нашли.

— Значит, буду брать пробы плотнее и уменьшу площадь, в которой не уверена.

— Это дорого.

— Болезнь дороже.

Сергей посмотрел на лист Зои.

— Для некоторых поздний отказ тоже дорогой. Я пришлю сроки по каждому хозяйству.

— Присылайте. Но они не изменят результаты проб.

— Я понимаю.

— Тогда зачем вы это говорите так, будто я спорю?

Он провёл пальцем по краю стола.

— Потому что весь вечер спорил с людьми, которые хотят точный объём до обследования.

— И теперь продолжаете по привычке.

— Похоже на то.

Она коротко рассмеялась. Сергей впервые услышал её смех без дождя, мотора и чужих голосов. Он оказался ниже, чем он ожидал.

— Что у вас в гараже? — спросил Сергей.

— Трактор без колеса, опрыскиватель без документов и три канистры с жидкостью без этикеток.

— Прекрасный день.

— Не жалуюсь. Канистры хотя бы закрыты.

— Не открывайте без меня.

Тишина возникла мгновенно.

Сергей понял ошибку прежде, чем она ответила.

— Почему без вас?

— Я не то сказал. Там может быть химия. Нужны перчатки и человек рядом.

— Это у меня есть.

— Конечно. Извините.

— За что именно?

— За то, что прозвучало как распоряжение.

Она помолчала.

— Принято.

Не «ничего страшного». Не попытка сделать ему легче. Просто принято.

— Протокол пришлю через час, — сказал Сергей.

— Я буду на месте до десяти.

— Одна?

— С механиком. Сергей, не начинайте заново.

— Не начинаю. До завтра.

— До завтра.

Он положил телефон экраном вниз. В комнате стало слишком тихо. Сергей собрал листы, проверил окна и выключил свет. В коридоре над маленькими крючками висела его куртка. Он снял её и заметил на стене карандашные полосы с детскими именами и ростом. Кто-то каждый год становился выше, пока школа не закрылась.

Снаружи было холодно. На площади перед зданием горели три фонаря. Сергей сел в пикап, но не завёл двигатель. Открыл присланную Тamarой фотографию листа ознакомления. Одиннадцать подписей стояли неровным столбцом. Его собственная была последней.

Зимой эти подписи казались доказательством общего намерения. Сегодня выяснилось, что общего у людей ровно столько, сколько они сумели назвать и записать. Даже прозрачность каждый понимал по-разному: для одного она защищала деньги, для другого позволяла контролировать управляющую, для третьего давала надежду узнать плохую новость вовремя.

Сергей переслал Лидии протокол, список условий по сортам и отдельный файл со сроками, убрав из него лишние семейные подробности. Потом добавил сообщение: «Заявка Карповой: при отказе после 15 мая она не сможет купить замену. Это не преимущество при распределении, только цена позднего решения».

Ответ пришёл, когда он уже завёл мотор.

«Поняла. Отдельно отмечу сроки, после которых ожидание причиняет прямой ущерб. Правило должно быть одинаковым, последствия — видимыми».

Сергей перечитал дважды. Ему хотелось написать, что именно это он пытался объяснить весь вечер. Вместо этого он ответил: «Да».

Пикап выехал на тёмную улицу. Впереди была ферма, ночной обход и поилка, которая наверняка снова потекла. Завтра он отвезёт документы в хозяйство и увидит Лидию третий раз.

Он знал, что Надежда права: одна лишняя готовность согласиться могла оказаться такой же нечестной, как недоверие без причины. Поэтому утром он повезёт не воздухопроводы и не помощь, о которой никто не просил.

Только одиннадцать заявок, одиннадцать подписей и решение, принятое не им одним.

Глава 3. Старые клубни

Лидия нашла дверь за листами ржавого железа.

В плане хранилища никакой двери не было. За третьим закомом значилась глухая северная стена, а на месте узкого прохода прежний управляющий нарисовал карандашом прямоугольник и написал: «щит». Щит лежал на полу, разбухший по краям, и закрывал не стену, а проём в маленькую пристройку.

— Я сюда двадцать лет хожу, — сказал механик Григорий Матвеевич. — И не знал.

— Железо давно стоит?

— При Иване сложили. Года три, значит. Может, четыре.

Лидия посветила внутрь телефоном. Свет выхватил деревянные ящики, серую мешковину и белёсую пыль на бетонном полу. Пахло холодной землёй, мышами и сладковатой гнилью. В дальнем углу лежала куча картофеля. Не большая — на глаз несколько тонн, если под мешками не было пустоты. Клубни покрылись длинными бледными ростками, переплетёнными, как проволока в старом матрасе.

Григорий Матвеевич присвистнул.

— Вот тебе и пустой склад.

Лидия не ответила. Она сняла с гвоздя совок, который успела пометить красной изолентой для грязной зоны, и осторожно отодвинула верхний мешок. Под ним картофель выглядел лучше: сухая кожура, твёрдая мякоть, мало мокрой гнили. На нескольких клубнях темнели вдавленные пятна. У одного у глазка белел ватный налёт.

— Не трогайте руками, — сказала она.

— Я и не собирался.

Григорий Матвеевич уже натягивал рабочую перчатку. Он остановился, снял её и сунул в карман.

— Думаете, больной?

— Думаю, неизвестный.

— На вид нормальный.

— Не весь. И вид не рассказывает, откуда он.

Лидия сфотографировала дверь, общий вид пристройки, ящики и каждый клочок бумаги, который заметила. На одном ящике сохранился след синей краски и половина цифры восемь. На другом мелом было выведено «Г», ниже — «22». Это мог быть сорт, год, номер поля, фамилия поставщика или чужая шутка. В щели между досками торчала пластиковая бирка, но надпись на ней стёрлась до молочного прямоугольника.

Григорий Матвеевич принёс складной метр. Вместе они измерили помещение, не входя в кучу. Лидия записала примерный объём, температуру у двери и влажность. Потом нашла в коридоре старую красно-белую ленту и протянула её поперёк проёма.

— До отбора проб никто сюда не заходит. Инструмент отсюда не выносим. Колёса тележки, если она там есть, не катим по складу.

— Так тележки-то нет.

— Хорошо.

— Чего хорошего?

— На один способ разнести землю меньше.

Григорий Матвеевич посмотрел на клубни ещё раз. Для него это была не загадка, а запас. Лидия узнала этот взгляд: так смотрят на доски в разобранном сарае, на канистру с неизвестным топливом, на мотор, снятый с машины без документов. В бедном хозяйстве вещи редко считают окончательно негодными. Их оставляют до дня, когда нужда станет сильнее осторожности.

- Если перебрать, — сказал он, — половина пойдёт.
- Куда?
- В землю.
- На какую?
- На нашу.

Слово прозвучало просто и опасно. За два дня пустые постройки успели стать для механика «нашими», хотя город мог забрать их осенью, а Лидия ещё не подписала ни одного заказа на семенной картофель.

- Пока ни на какую, — сказала она. — Сначала акт находки, потом документы и пробы.
- А если документов нет?
- Тогда это не посадочный материал.
- Картошка от этого картошкой быть не перестала.
- Едой, может быть. Кормом, может быть, если проверка позволит. Семенным материалом — перестала.
- Он нахмурился.
- Жалко.

Лидия тоже считала. Если в пристройке хотя бы четыре тонны, это несколько гектаров посадки. Не девяносто, которых ждал кооператив, но достаточно, чтобы уменьшить первую закупку, выиграть неделю и оставить деньги на вентиляцию. Даже плохой запас был соблазнителен именно потому, что каждую дыру в смете можно было заткнуть им дважды: сначала не покупать клубни, потом обещать с этих гектаров урожай.

Она закрыла дверь и повесила на ленту лист из блокнота: «НЕ ВХОДИТЬ. ПАРТИЯ НЕ УСТАНОВЛЕНА. 12.04». Подписалась и попросила Григория Матвеевича поставить подпись свидетеля.

- Я теперь свидетель, — пробормотал он. — А хотел трактор собирать.
- Трактор подождёт полчаса. Позвоните, пожалуйста, в администрацию. Нужен представитель на акт.
- А вы куда?
- Искать бумаги.

В кабинете прежнего управляющего бумаги хранились по законам погоды. Счета за свет лежали в нижнем ящике стола рядом с пакетами семян укропа. Акты обработок были зажаты в телефонном справочнике. Договоры на поставку нашлись в коробке из-под зимних ботинок, но только за позапрошлый год. Лидия разложила всё по полу, оставив узкие дорожки между стопками.

- В одиннадцать позвонил Сергей.
- Я у ворот, — сказал он. — Привёз оригиналы заявок и протокол.
- Подождите две минуты. Я вас встречу.
- Ворота открыты.
- Это не значит, что можно въезжать.
- Пауза была короткой.
- Понял. Жду.

Лидия надела куртку. За ночь подсох только верхний слой двора, под ним сапог сразу проваливался в мягкую землю. Пикап Сергея стоял снаружи, колёсами на щебне. Сам он держал под мышкой синюю папку, а в другой руке — бумажный пакет.

- Если это еда, занесите в бытовку, — сказала Лидия вместо приветствия. — В склад нельзя.
- Пироги от Надежды. Она решила, что вы не обедаете.
- Она права, но это не основание кормить меня бесплатно.
- Пироги не из средств кооператива.

— Тогда тем более непонятно, как учитывать.

Сергей посмотрел на пакет, словно впервые увидел его.

— Как личное угощение, которое не создаёт долга?

— У вас всё так легко называется.

— Нет. Я тренировался по дороге.

Она не удержалась от улыбки. Он заметил, но не стал развивать успех.

— Поставлю в бытовке, — сказал Сергей. — Документы куда?

— В кабинет. И у нас находка.

Лёгкость исчезла с его лица.

— Какая?

— Старые клубни в незарегистрированной пристройке. Несколько тонн. Происхождение пока неизвестно.

Сергей повернул голову к хранилищу.

— Живые?

— Это не главный вопрос.

— Понял. Но живые?

— Часть выглядит сохранной.

Он быстро прикинул то же, что и она. Лидия увидела это по тому, как он сжал папку.

— Покажете?

— Из-за ленты. Не входить и ничего не трогать.

У двери он не спорил. Наклонился, посмотрел на клубни и долго молчал.

— Сколько?

— Пока не знаю. От трёх до пяти тонн, очень грубо.

— Это четыре гектара?

— Может быть три. Может быть пять. Зависит от размера и нормы посадки. Но сейчас это ноль гектаров.

— Потому что нет документов.

— Потому что нет ничего, кроме картофеля и двух букв на ящиках. Неизвестны сорт, репродукция, поле, поставщик, обработки, результаты проверок. Неизвестно даже, вместе ли лежит одна партия или остатки пяти.

— А анализы могут показать?

— Анализы покажут то, на что мы проверим образцы. Они не восстановят происхождение и не превратят смесь в однородную партию.

Сергей присел у ленты, не касаясь пола за ней.

— Если взять пробы из каждого ящика отдельно?

— Сначала надо понять, сколько здесь ящиков и что где лежит. Каждая отдельная проба стоит денег. Срок тоже стоит денег. А отрицательный результат по нескольким болезням не докажет, что здесь нет других проблем.

— Значит, выбросить.

— Я не сказала этого. Надо установить владельца, оформить находку, оценить безопасный способ вывоза. Возможно, что-то можно использовать не для семенных посадок. Но на поле, с которого мы обязались получить проверенную партию, эти клубни не попадут.

Он выпрямился.

— Даже если чистые по пробам?

— Даже если выбранные пробы чистые.

Сергей прошёл вдоль ленты к краю проёма. В сером свете его лицо выглядело усталым. Вероятно, после собрания он действительно ездил на ночной обход, а утром снова был на ферме. Лидии захотелось спросить, спал ли он. Она не спросила.

— Сегодня мне позвонили трое, — сказал он. — Поставщик поднял цену на исходный материал. Если подтвердим заказ позже понедельника, ещё и срок сдвигается.

— Насколько?

— На восемь процентов. Доставка — на неделю.

— Присылайте новое предложение официально.

— Пришлю. Но вы же понимаете, что эти четыре тонны могли бы закрыть разницу.

— Не закрыть. Спрятать.

— Я не предлагаю ничего прятать.

— Предлагаете назвать неизвестное дешёвым. Мы не знаем его цены. Если оно заразит участок, цена будет равна потере участка, обработке техники, анализам, уничтожению урожая и срыву договоров.

— Я спрашиваю, можно ли доказать, что оно годится.

— Нет. Можно получить отдельные результаты отдельных проб. Историю они не создают.

Сергей кивнул, но не согласился. Лидия почувствовала знакомое одиночество решения. До находки они оба хотели одного: не обещать лишнего. Теперь между принципом и деньгами появился настоящий предмет — твёрдый, пахнущий землёй, лежащий всего в двух шагах. Отказ перестал быть красивой осторожностью и стал потерей.

— Я покажу вам запись, — сказала она.

В кабинете Сергей поставил пироги на подоконник и разложил документы на свободном краю стола. Лидия протянула ему потрёпанный журнал с зелёной обложкой. На странице за сентябрь позапрошлого года стояли три строки: «остаток после сортировки — 2,8», «Гала — 1,2», «в малую». Ни единиц измерения, ни фамилии, ни номера партии.

— Малая — это пристройка? — спросил Сергей.

— Возможно.

— А “Гала” — сорт.

— Возможно.

— Вы всё будете называть возможным?

— Пока доказательств нет — да.

Он перевернул страницу. Следующая была вырвана.

— Дата есть. Почерк управляющего можно подтвердить.

— И что это даст? Допустим, он записал остаток сорта “Гала” весом одна целая две тонны. Мы не знаем, к какому документу относилась запись, был ли этот остаток в малой пристройке, добавляли ли к нему что-то позже, обрабатывали ли клубни и почему их не использовали следующей весной.

— Два с половиной года — они вообще могли столько пролежать?

— В таком виде — могли пережить две зимы, но это ещё один плохой признак. Или помещение открывали и перебирали, или часть клубней добавили позже. Без записей оба варианта одинаково неприятны.

Сергей закрыл журнал.

— На совете скажут, что вы отказались от бесплатного материала из-за отсутствующей бумажки.

— А вы что скажете?

Он посмотрел прямо.

— Что бумажка здесь означает происхождение партии.

— Этого мало.

— Что ещё?

— Скажите, что я запрещаю его использовать. Не “мы решили”, не “нам пришлось”. Я.

— Они повесят на вас всю прибавку к цене.

— Прибавка появилась не из-за меня.

— Для них связь будет простой: нашли запас, Корнева запретила, купили дороже.

— Тогда не упрощайте её вместе с ними.

Он отвёл глаза к окну. Во дворе Григорий Матвеевич вёл представителя администрации к пристройке, широко шагая по грязи. На представителе были светлые ботинки, которые уже перестали быть светлыми.

— Я могу попросить совет оплатить расширенные пробы, — сказал Сергей. — Тогда отказ будет не до проверки.

— Это будет расход ради иллюзии, что мы ещё выбираем. Я возьму пробы для решения об утилизации и безопасности помещения. Для допуска к семенному полю их недостаточно по определению.

— Вы даже совету не оставляете решение.

— Это не их решение. Они могут отказаться от договора со мной, потребовать возврат по условиям, выбрать другой материал. Но допустить неизвестную партию к посадке должен агроном. Мою подпись голосованием не поставишь.

Последние слова прозвучали жёстче, чем Лидия хотела. Сергей медленно провёл ладонью по синей папке.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда мне нужны цифры. Цена закупки с удорожанием. Площадь без этих клубней. Что можно сократить, не подвергая риску основную партию. И срок, когда участники должны либо подтвердить новые условия, либо забрать деньги.

— Забрать деньги, которых часть уйдёт на электрику?

— Электрику оплатят после сегодняшней заявки. Остальное пока цело. Если какой-то сорт станет невозможен, нельзя держать аванс до осени только потому, что нам так удобнее.

Это было справедливо и потому неприятно. Лидия уже мысленно распределила деньги: исходный материал, топливо, пробы, ремонт вентиляции, оплата двух сезонных рабочих. Возврат даже одного аванса уменьшал площадь, а уменьшение площади повышало долю постоянных расходов на каждую тонну осенней партии.

— Я дам расчёт завтра к вечеру, — сказала она.

— Вы обещали диапазон площади через три дня.

— Предварительный расчёт по закупке — завтра. Площадь после обхода участков — как обещала.

— Я помогу с обходом.

— В качестве кого?

— Человека с машиной, который знает подъезды.

— Это бесплатная услуга от председателя покупателя.

— От фермера, которому тоже нужна партия.

— Ещё хуже.

— Почему?

— Потому что потом невозможно отделить, где вы помогаете всем одиннадцати, а где своей ферме.

Сергей шумно выдохнул, но голос не повысил.

— Дайте мне правило, которое вас устроит.

Лидия задумалась. Отказать было легче, чем устроить работу так, чтобы помощь не стала властью.

— Маршрут утверждаю я. Вы везёте меня один день и не участвуете в оценке участков. В журнале пишем время, километры и обычную стоимость такой поездки. Это не даёт вам права на большее количество материала и не уменьшает цену вашей партии.

— Согласен.

— Совет должен увидеть запись до поездки.

— Тамара внесёт сегодня.

— И если кто-то предложит машину на тех же условиях раньше, я выберу по времени и расходам.

— Согласен.

Она ждала улыбки или замечания о своей подозрительности. Сергей только открыл папку.

— Вот оригиналы. Одиннадцать заявок, протокол, лист ознакомления. Здесь отдельно сроки, после которых участники теряют возможность купить замену. Это не очередь и не преимущество.

— Я помню.

— Я тоже. Но лучше записать дважды.

Лидия взяла папку. Бумаги были разложены по прозрачным файлам, на каждом сверху лежала короткая карточка: сорт, объём, допустимая замена, крайний срок. Сергей не просто привёз протокол. Он превратил шумное собрание в сведения, с которыми можно работать.

— Спасибо, — сказала она.

— Это моя работа.

— От этого она не становится меньше.

Он поднял взгляд. Между ними на секунду не осталось ни совета, ни грязного двора, ни старого картофеля за красной лентой. Лидия первой открыла верхний файл.

— У Карповой двенадцать гектаров, — сказала она. — Если цена выросла, её аванса не хватит на прежний объём.

— Она не сможет быстро доплатить.

— Уменьшение заказа подтвердит?

— Скорее всего. Но спрашивать должна не я и не вы по телефону между делом. Сделаем письменное предложение всем, кого касается изменение.

— Всем одновременно?

— В один день. С личным расчётом, но одинаковым сроком ответа там, где календарь позволяет.

Сергей кивнул.

— Вот это я и вынесу совету.

В пристройке заговорили громче. Григорий Матвеевич позвал Лидию. Представитель администрации, молодой специалист по имени Олег, стоял у ленты с раскрытым бланком.

— На балансе этого помещения нет, — сообщил он. — Пристройка, похоже, самовольная.

— Отдельного номера ей не нужно, — сказала Лидия. — Важно включить её в акт объекта и описать содержимое.

— Содержимое городу не принадлежит, если не учтено.

— А кому принадлежит?

— Надо разбираться.

— Пока разбираетесь, кто отвечает за безопасность?

Олег посмотрел в бланк, будто ответ мог быть напечатан мелким шрифтом.

— Управляющий объектом.

— То есть я. Запишите: доступ ограничен, перемещение запрещено до отбора проб и решения собственника. Примерный объём, состояние, отсутствие читаемой маркировки. И перечислите свидетелей.

— Зачем так подробно? Можно написать “старый картофель”.

— Потому что завтра старого картофеля окажется на тонну меньше, а через месяц кто-нибудь вспомнит, что это был дорогой семенной сорт.

Григорий Матвеевич кашлянул, скрывая смехок. Олег покраснел и начал писать.

Сергей держался в стороне. Когда Олег спросил его фамилию, он ответил и добавил:
— Присутствую как председатель кооператива покупателей. На содержимое прав не заявляю.

Лидия посмотрела на него. Он не улыбнулся, но она поняла, что фразу он выбрал для неё.

После составления акта они опломбировали дверь бумажной полосой с тремя подписями. Олег забрал копию в администрацию. Григорий Матвеевич ушёл к трактору, всё ещё оглядываясь на пристройку. Сергей задержался у выхода.

— Пироги остынут, — сказал он.

— Они и были холодные.

— Тогда черствеют.

— Это уже серьёзнее.

В бытовке стояли две разные кружки и электрический чайник, который пока нельзя было включать. Григорий Матвеевич принёс из гаража термос. Надежды пироги оказались с капустой и яйцом. Лидия записала на листе учёта: «Личное угощение Чирковой Н. П., в расходы и встречные обязательства не включается». Сергей прочитал через её плечо.

— Теперь можно есть?

— Теперь можно не спорить.

Они ели стоя у окна. Во дворе ветер трепал конец красно-белой ленты. За ней лежало простое решение почти каждой сегодняшней проблемы. Не покупать часть материала. Не возвращать авансы. Не признавать, что площадь будет меньше. Весной особенно легко поверить, будто земля исправит то, о чём люди не захотели спросить.

— Когда вы решили, что не возьмёте эти клубни? — спросил Сергей.

— Когда увидела помещение.

— До журнала и проб?

— Да.

— Тогда зачем искали бумаги?

— Чтобы понять, что это такое и как убрать безопасно. И чтобы не подменить решение догадкой. Если бы нашёлся полный комплект документов и пломбы на каждой таре, решение могло быть другим.

— Но вы не верили, что найдётся.

— Не верила.

— Это не предубеждение?

Лидия положила недоеденный пирог на салфетку.

— Предубеждение было бы сказать: прежний управляющий всё делал плохо, значит, клубни плохие. Я говорю другое: источник не подтверждён, партии смешаны или не разделены, движение не записано. Это факты. Мне не нужно считать человека плохим, чтобы отказаться от его неизвестного картофеля.

— Я спрашиваю не ради спора.

— Ради чего?

— Мне вечером объяснять это людям, у которых не хватает денег.

Она посмотрела на его руки. На правом запястье была свежая царапина, под ногтями темнела земля. Председатель кооператива не приехал к ней из чистого кабинета. Он тоже утром что-то чинил, таскал или вынимал из грязи. Это не делало его доводы вернее, но помогало услышать цену, которую он называл.

— Тогда скажите им честно, — сказала Лидия. — Мы могли сэкономить сегодня, только переложив неизвестный риск на осень и на всех одиннадцать хозяйств. Я отказалась. Из-за этого закупка будет дороже или площадь меньше. Оба последствия мы покажем до того, как люди подтвердят заказы.

— И если половина откажется?

— Посадим меньше.

— Хозяйство может не пережить сезон на меньшей площади.

— Может.

Сергей ждал продолжения. Его не было.

— Вы умеете пугать короткими словами, — сказал он.

— Длинные ничего не изменят.

— А вас это не пугает?

Лидия посмотрела в окно. Красная лента натянулась и снова ослабла.

— Я приехала сюда не доказывать, что могу заставить любое хозяйство выжить. Я приехала проверить, можно ли вырастить здесь материал, за который не будет стыдно поставить фамилию. Если нельзя — осенью город должен узнать это до нового конкурса.

— А вы?

— Что я?

— Куда поедете осенью?

Вопрос был слишком личным для третьей встречи и слишком естественным после разговора о конце сезона.

— Туда, где будет работа.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Сергей смял салфетку, потом аккуратно расправил её и положил рядом с пустым пакетом.

— Я напишу совету про находку и новый расчёт. Без слов “бесплатный запас”.

— Спасибо.

— Это тоже моя работа?

— Нет. Это выбор слов.

Он ушёл после полудня. Пикап развернулся у ворот, не въехав во двор, и скрылся за голыми тополями. Лидия вернулась в кабинет. На полу лежали старые бумаги, на столе — одиннадцать новых заявок. Между ними уместились два года, за которые хозяйство научилось жить без памяти.

Она составила заявку на отбор проб из пристройки, отметив цель: определить безопасное обращение, не допускать к семенному использованию. Затем открыла цены поставщика и пересчитала закупку. Восемь процентов превратились в сумму, за которую можно было отремонтировать половину вентиляции. Неделя задержки сдвигала подготовку клубней и оставляла меньше времени на спокойную посадку.

Лидия убрала из плана самые сомнительные участки. Сначала заболоченную низину. Потом полосу у старой дороги, где не было записей о севообороте. Рабочая площадь уменьшалась на экране, а рядом росла доля расходов. На пятидесяти восьми гектарах хозяйство могло выполнить требования к качеству и сохранить запас на возвраты. На шестидесяти пяти уже приходилось надеяться, что ни один ремонт не окажется дороже сметы. На семидесяти двух надежда становилась способом расчёта.

Она остановилась на диапазоне от пятидесяти восьми до шестидесяти пяти и подписала файл: «Предварительно. До обследования поля». Потом сделала отдельную строку: «Найденные остатки — 0 гектаров».

В половине шестого пришло сообщение от Тамары. Запись о поездке Сергея появилась в общем журнале: дата, предполагаемый маршрут, километры, расчётная стоимость, отсутствие влияния на распределение партии. Ниже было место для предложений других участников до девяти утра.

Ещё через минуту написал Сергей: «Совету сообщил. Сысоев требует срочно вскрыть помещение комиссией и перебрать клубни. Ответил, что доступ ограничен актом управляющей и города. Вопрос об использовании не ставлю на голосование».

Лидия прочитала сообщение несколько раз. Он мог бы вынести её запрет на совет и позволить большинству сыграть роль непреодолимой силы. Тогда перед людьми он остался бы хорошим председателем, а она — упрямым агрономом, которого пришлось поддержать или сломать. Вместо этого Сергей признал границу своих полномочий до того, как она стала удобна ему.

Она написала: «Верно. Завтра пришлю расчёт двух вариантов закупки и сокращения площади».

Палец задержался над экраном. Хотелось добавить что-нибудь о пирогах, о поездке, о том, что его точные карточки сэкономили ей несколько часов. Всё это было правдой, но сейчас любое лишнее слово могло прозвучать наградой за правильное решение.

Лидия убрала телефон.

Перед уходом она обошла хранилище. Бумажная пломба на двери оставалась целой. За тонкой стеной старые клубни лежали в темноте, сохраняя видимость запаса. Их можно было перебрать, прогреть, назвать сортом по одной букве на ящике и посадить прежде, чем кто-нибудь успеет задать второй вопрос.

Лидия записала показание термометра и время проверки. Потом выключила фонарь.

У хозяйства стало на несколько тонн меньше картофеля, хотя с утра оно считалось пустым. Зато впервые за много лет в его учёте появился точный ноль.

Глава 4. Чужой трактор

Трактор завёлся с третьей попытки, и все вокруг сразу решили, что он принадлежит хозяйству.

Сергей стоял у открытых ворот гаража и смотрел, как из трубы вываливается густой сизый дым. Григорий Матвеевич сидел в кабине, одной рукой держал рычаг, другой показывал большой палец. Мотор работал неровно, но уверенно, будто три года простоя были не забвением, а длинным отпуском.

— Вот, — крикнул механик сквозь грохот. — А говорили, мёртвый!

Лидия не улыбнулась. Она обошла трактор, не заходя под поднятый ковш, и посмотрела на задний номерной знак. Потом попросила заглушить двигатель.

Тишина наступила не сразу. Мотор кашлянул, железо ещё несколько секунд дрожало, с крыши гаража посыпалась сухая пыль.

— Где документы? — спросила Лидия.

Григорий Матвеевич спрыгнул с подножки.

— В конторе должны быть.

— В переданном списке техники его нет.

— Потому что списали, наверное.

— Списанный трактор тоже имеет документы и собственника.

— Да какой собственник? Он здесь с двухтысячных.

Сергей подошёл ближе. Синий кузов был перекрашен поверх красного; у края капота старая краска проступала полосой. Он помнил этот трактор. На нём ещё Николай Державин возил картофель с опытного участка, когда Сергей после института вернулся в район. Потом хозяйство меняло вывески, арендаторов и начальников, а трактор оставался во дворе.

— Раньше он числился у «Рассвета», — сказал Сергей.

— У какого из трёх? — спросила Лидия.

Вопрос был точным. Сначала существовал совхоз «Рассвет», потом сельскохозяйственный кооператив с тем же названием, потом общество с ограниченной ответственностью. Земля и постройки переходили городу, технику продавали, отдавали за долги и перевозили без ясного списка. В разговорах всё это оставалось одним «Рассветом».

— У кооператива, кажется.

— Кажется — не документ.

Григорий Матвеевич вытер руки ветошью.

— Лидия Павловна, вы его вчера сами велели собирать. Я колесо переставил, топливную промыв, аккумулятор с погрузчика снял. День потратил.

— Я велела оценить состояние техники в гараже. Это не даёт права выводить её в поле.

— Так состояние отличное.

— Состояние — да. Право — нет.

Механик бросил ветошь на верстак.

— С картошкой ясно, там зараза может быть. А трактор кого заразит?

— Нас долгом, если мы используем чужое имущество без разрешения.

— За двадцать лет хозяин не пришёл.

— Сегодня придёт.

Сергей сказал это раньше, чем успел решить, стоит ли вмешиваться. Оба повернулись к нему.

— Откуда знаете? — спросила Лидия.

Он показал на небольшую металлическую пластину под сиденьем. Сквозь грязь проступали выбитые буквы «КФХ ДЕРЖАВИН».

Григорий Матвеевич наклонился, протёр пластину большим пальцем и выругался себе под нос.

— Это табличка инвентарная, — сказал Сергей. — Николай метил всё своё. У него даже лопаты были с такими.

— Державин умер, — ответил механик.

— Хозяйство ведёт его дочь Марина.

Лидия достала телефон и сфотографировала табличку.

— Вы с ней знакомы?

— Да.

— Позвоните при мне. Скажите только, что техника найдена. Не договаривайтесь об аренде и не обещайте цену.

Григорий Матвеевич вскинул руки.

— Уже и поговорить нельзя.

— Поговорить можно, — сказала Лидия. — Распорядиться нельзя.

Сергей нашёл номер Марины. Она ответила не сразу, а услышав про трактор, замолчала так надолго, что он посмотрел на экран.

— Где нашли? — наконец спросила она.

— В гараже старого семенного хозяйства.

— Синий?

— Синий поверх красного. Табличка вашего отца на месте.

— Я думала, его на металл сдали.

— Документы сохранились?

— У меня нет. Может, у матери. Почему спрашиваешь?

Сергей взглянул на Лидию. Она стояла, скрестив руки, и ждала.

— Управляющая хозяйством проводит опись. Трактор запустили при оценке состояния, но использовать не будут до выяснения владельца.

— А кто управляющая?

— Лидия Корнева.

— Та, которую город на сезон взял?

— Да.

— И что ей от меня нужно?

Лидия протянула руку. Сергей включил громкую связь, заранее сказав об этом Марине.

— Нужны копии документов, если найдутся, — сказала Лидия. — И ваше письменное подтверждение, что до выяснения мы можем оставить трактор в закрытом гараже. Если захотите забрать, согласуем время и составим акт передачи.

— А если не захочу забирать?

— Тогда отдельно обсудим аренду, покупку или хранение. Сейчас я не знаю, имеете ли вы право им распоряжаться и в каком он техническом состоянии.

— Он завёлся?

Григорий Матвеевич не выдержал:

— Как часы.

Лидия посмотрела на него.

— После трёх попыток, с чужим аккумулятором и без проверки тормозов, — уточнила она.

Марина рассмеялась.

— Это больше похоже на отцовскую технику. Я вечером посмотрю бумаги. До завтра пусть стоит у вас. Никуда его не гоните.

— Спасибо. Пришлите сообщение с этой фразой, пожалуйста.

— Вы всегда так разговариваете?

— Когда рядом чужой трактор — да.

После звонка Григорий Матвеевич ушёл в гараж, сердито переставляя инструменты. Лидия записала время разговора и попросила Сергея поставить подпись свидетеля.

— Теперь он на меня обиделся, — сказала она, когда механик отошёл.

— На трактор он обидеться не может.

— Поэтому удобнее на меня.

— Хотите, я поговорю?

— Нет. Вы не мой заместитель по трудным разговорам.

Сергей усмехнулся.

— Хорошая должность.

— Опасная. Быстро начинает казаться незаменимой.

Он подписал запись. Вчерашний спор о старых клубнях ещё оставался между ними, но сегодня Лидия не объясняла каждую границу заново. Она просто называла её и двигалась дальше.

Они собирались объехать поля. До девяти утра никто из участников не предложил другую машину, и запись Тамары осталась единственной. Сергей занёс начальный пробег, показал Лидии заполненную строку в журнале и положил телефон экраном вверх на капот пикапа.

— Проверяйте.

— Я верю, что вы умеете переписывать цифры.

— Вчера вы говорили, что доверие не заменяет выписку.

— И не заменяет. Я проверю в конце.

Она села рядом, положив на колени карту. Первые два участка находились за старой молочной фермой. Дорога туда после дождей превращалась в колею, но пикап прошёл по гребню. Сергей не давал советов, пока Лидия не спросила, где съезд. На краю поля она вышла, прошла по диагонали, каждые несколько десятков шагов останавливаясь и вдавливая щуп в землю. Сергей ждал у машины.

Ему было трудно молчать. Он знал, где весной дольше стоит вода, где два года назад выращивали капусту и где сосед осенью разворачивал опрыскиватель. Но условие было простым: он везёт, она оценивает. Если начать подсказывать без вопроса, её выводы станут похожи на услугу его памяти.

Лидия вернулась с комком земли на ладони.

— Здесь картофель был когда?

— Точно не скажу. Четыре года назад видел кукурузу. Потом, кажется, зерновые.

— Кто обрабатывал?

— Державин арендовал часть. После него Сысоев один сезон.

— Запишу как сведения со слов. Нужны документы обоих.

— У Виктора будут.

— Вы уверены?

— Он хранит всё.

— Хорошо. Запрошу у него.

Она не попросила Сергея позвонить. Внесла фамилию в блокнот и пошла к следующей точке.

К полудню они осмотрели три участка. Низина оказалась хуже, чем предполагала Лидия: вода стояла под тонкой коркой почвы, и сапог проваливался по щиколотку. У старой дороги нашли комья прошлогодней ботвы, но определить культуру по ним было нельзя. На дальнем участке земля быстрее рассыпалась в ладони, зато у канавы валялись пустые канистры без крышек.

— Это не наши, — сказал Сергей.

Лидия присела рядом, не касаясь пластика.

— Чьи?

— Не знаю. Здесь ездят все, кому нужно сократить путь.

— Тогда правильный ответ — неизвестно.

— Я хотел сказать, что хозяйство их не оставляло.

— Откуда вы знаете?

Он уже открыл рот и закрыл. Хозяйство два года почти не существовало. Кто оставил канистры, он знать не мог.

— Не знаю, — сказал Сергей.

— Вот.

Она сфотографировала находку и отметила место на карте. Сергей подумал, что рядом с ней его знания о городе странным образом становились меньше и надёжнее. Из них исчезало то, что он привык считать очевидным.

На обратном пути позвонила Марина Державина.

— Нашла паспорт самоходной машины, — сказала она. — Владелец отец. Наследственное дело закрыто, трактор в перечне имущества не указан.

— Тогда распоряжаться им пока нельзя, — ответил Сергей.

— Нотариус сказала, надо дополнять свидетельство. Это время и деньги. А он вам нужен?

Лидия жестом попросила остановиться. Сергей съехал на сухую обочину и включил громкую связь.

— Нужен, — сказала Лидия. — Но нужда не меняет владельца.

— Я могу написать, что разрешаю пользоваться до оформления.

— Если техника не вошла в наследство, вашего разрешения может быть недостаточно.

Кроме того, трактор не прошёл технический осмотр. Мы не знаем состояние тормозов, рулевого управления и навески.

— Да почините. Он всё равно стоит.

— За чей счёт?

— За свой. Потом бесплатно поработаете — и все в расчёте.

Сергей увидел, как Лидия прикрыла глаза. Предложение звучало разумно, пока его не переводили в деньги.

— Бесплатно — это сколько часов? — спросила она. — Кто платит топливо? Кто отвечает при поломке? Что происходит с ремонтом, если наследство оформят на нескольких людей? Можно ли вывезти трактор во время посевной?

— Вы хотите договор на старую развалину?

— Да.

— Тогда проще забрать её на металл.

— Это ваше право после оформления собственности.

Марина замолчала.

— Отец его любил, — сказала она уже другим голосом. — Поэтому и не сдал, наверное.

— Возможно, — мягко ответила Лидия. — Я сохраню трактор в гараже до вашего решения. За хранение пока денег не прошу, но зафиксирую срок. Если право оформится быстро и техника пройдёт проверку, предложите условия письменно.

— Вы его уже ремонтировали.

— Механик оценил состояние и поставил колесо, найденное рядом. Мы отдельно посчитаем часы и расходники. Если работы увеличили стоимость вашей техники, решим это при передаче или договоре. Без зачёта на словах.

— Вы, наверное, чеки на каждый болт храните.

— Начала со вчерашнего дня.

Марина снова рассмеялась, но теперь без насмешки.

— Ладно. Пришлю паспорт и справку от нотариуса. Только не отдавайте никому, пока разбираюсь.

— Не отдадим без законного основания.

Когда звонок закончился, Сергей убрал телефон.

— Она могла разрешить, — сказал он. — Наследница одна.

— По её словам.

— Я знаю семью.

— А нотариус знает дело.

— Посевная не подождёт нотариуса.

— Значит, этот трактор в посевной не участвует.

Сергей постучал пальцами по рулю. Вчера он защищал её решение перед советом. Сегодня раздражение оказалось ближе, потому что техника была нужна прямо сейчас и опасность не лежала на клубне тёмным пятном.

— Аренда трактора с механизатором съест ещё часть авансов, — сказал он.

— Да.

— Покупка уже подорожала. Площадь вы сократили. Если теперь заложить аренду по рыночной цене, цифры могут не сойтись даже на пятидесяти восьми гектарах.

— Тогда сократим ещё.

— До какого предела?

— Сегодня вечером посчитаю.

— Нельзя каждый плохой факт лечить уменьшением поля.

— А чем вы предлагаете? Чужим трактором и неизвестными клубнями?

— Я предлагаю искать законный способ использовать то, что уже есть.

— Мы его ищем. Но до того момента в плане трактора нет.

— У вас в плане скоро вообще ничего не останется.

Слова прозвучали грубо. Сергей увидел, как Лидия отвернулась к окну. За стеклом тянулось поле с прошлогодней стернёй, серое и бесконечное.

— Извините, — сказал он. — Это было несправедливо.

— Было.

— Я злюсь не на вас.

— На цифры тоже неудобно злиться.

— На то, что всё полезное здесь кому-то принадлежит, а всё бесхозное оказывается проблемой.

Она повернулась.

— Полезное всегда кому-то принадлежит. Иногда человеку, иногда городу, иногда одиннадцати людям, которые внесли деньги. Слово «общее» не означает «можно взять первым».

— Я знаю.

— Тогда почему спорите?

Сергей задумался. Потому что привык чинить раньше, чем оформлять. Потому что в сельской работе соседский трактор, чужая телега и собственные руки переходили из двора во двор быстрее бумаг. Потому что если у кого-то ломалась косилка перед дождём, сначала спасали сено, потом считали солярку. Этот порядок держал людей вместе. Он же позволял годами не замечать, кто платит больше и кому потом труднее отказать.

— Потому что иногда договор опаздывает к работе, — сказал он.

— Тогда делают короткий договор.

— Иногда и на него нет часа.

— А потом есть месяцы на ссору.

Он кивнул.

— У нас с Надеждой так было. Я дал ей пресс на два дня, а она вернула через неделю. Пока ждал, нанял другой. Деньги не попросил, зато год вспоминал при каждом споре.

— Она знала?

— Что я нанял? Нет.

— Тогда вы предъявляли долг, о котором должник не знал.

— Звучит хуже, когда вы говорите.

— Это и было хуже.

Сергей завёл двигатель. До следующего участка оставалось семь километров.

— Значит, трактор считаем отсутствующим, — сказал он.

— Пока нет документов, проверки и цены — да.

— Я запрошу три предложения аренды с механизатором.

— Почему вы?

Он посмотрел на неё.

— Потому что у вас поле, старые бумаги и один механик, который сегодня на вас обижен. А у меня есть контакты. Запросы разошлю одинаковые, ответы переishлю вам и Тамаре. Вы выберете. Моё хозяйство предложение не подаёт.

Лидия помолчала.

— Хорошо. В запросе укажите виды работ, предполагаемые гектары, сроки, кто платит топливо и простой из-за погоды. И отдельно доставку техники.

— Запишу.

— Это тоже помощь с рыночной стоимостью.

— Полчаса председателя кооператива. Внесём в журнал.

— Не председателя. Закупщика или диспетчера. Председательская должность не делает услугу дороже.

Сергей рассмеялся.

— Вы первая, кто так последовательно снижает цену моего времени.

— Я пытаюсь узнать её, а не снизить.

На четвёртом участке они нашли старую межу, которой не было на карте. Полоса берёзовой поросли делила поле на две части. Объехать её с навесной техникой можно было только по соседней земле. Сергей знал владельца, но на этот раз дождался вопроса.

— Чей проезд? — спросила Лидия.

— Державиных.

Она посмотрела на него, потом на карту.

— Сегодня у нас день этой семьи.

— Марина разрешит.

— Письменно и с условиями.

— Уже понял.

Лидия прошла вдоль межи. Ветер прижимал куртку к её спине, волосы выбились из-под шапки. Сергей смотрел, как она останавливается у каждой промоины, и чувствовал одновременно раздражение и уважение. Она уменьшала их будущий урожай каждым точным вопросом. Но поле от этого не становилось меньше. Оно только переставало быть воображаемым.

К хозяйству вернулись после шести. Конечный пробег совпал с маршрутом, кроме двух лишних километров из-за размытого съезда. Лидия вписала отклонение и причину. Сергей сфотографировал строку для Тамары.

У гаража их ждал Григорий Матвеевич. Рядом с трактором стояли две канистры топлива.

— Я слил старое, — сказал он. — Фильтр менять надо. Ремкомплект тысяча восемьсот.

Лидия остановилась.

— Вы продолжали работу после запрета?

— Я не выезжал.

- Я запретила использовать и распоряжаться. Вы сняли топливо с чужой техники.
- Чтобы насос не угробить!
- Куда слили?
- Вот оно.
- Чем подписали канистры?
- Ничем пока.

Лидия достала маркер, написала на каждой дате, время, номер трактора и фамилию механика. Потом сфотографировала пломбу на топливном баке — вернее, место, где пломбы не было.

- Больше ничего не делайте без письменного задания, — сказала она.
- Тогда сами его чините.
- Не буду. Он чужой.

— Да всё здесь чужое! Земля городская, деньги фермерские, трактор Державина. Моё только время, и то вы его по строчкам считаете.

- Ваше время оплачивается хозяйством. Поэтому я обязана считать.
- Двадцать лет никто не был обязан.
- Поэтому мы сейчас не знаем, чей трактор стоит в нашем гараже.

Григорий Матвеевич побледнел. Сергей шагнул было вперёд, но остановился. Лидия просила не становиться её заместителем по трудным разговорам.

Механик снял кепку, сжал её в руке.

— Этот трактор Иван бросил гнить. Я его каждый год смазывал. Из своего масла иногда. А теперь пришли вы и решили, что я вор.

- Я так не решила.
- А как это называется?

— Работа без задания с имуществом, которое нам не принадлежит. Это надо остановить.

А ваше масло и часы — записать, насколько сможете вспомнить.

- За двадцать лет?
- Хотя бы за последние три года.
- И кто мне заплатит?
- Не знаю. Возможно, никто. Но если не записать, точно никто.

Григорий Матвеевич посмотрел на Сергея, ожидая поддержки. Сергей выдержал взгляд.

— Она права насчёт записи, — сказал он. — Марина оформляет наследство. Ей надо показать, что с трактором делали.

- И ты туда же.
- Я могу вечером помочь восстановить расходы. Не за Лидию. Для тебя.

Механик отвернулся.

— Сам вспомню.

Он ушёл в бытовку, сильно хлопнув дверью.

Лидия прислонилась к стене гаража. Впервые за день она выглядела не собранной, а просто уставшей.

- Теперь можете поговорить, — сказала она.
- Уже не заместитель?
- Свидетель последствий.
- Он отойдёт.
- Не обязателен.
- Вы могли сказать мягче.
- Могла.
- Но содержание осталось бы тем же.
- Да.

Сергей посмотрел на трактор. Исправная машина стояла в двух метрах от ворот, готовая тянуть борону хоть сейчас. Рядом лежали канистры с топливом, которое уже успели вынуть без разрешения. Чем полезнее была вещь, тем легче люди придумывали себе право на неё.

— Я разошлю запросы сегодня, — сказал он.

— Завтра достаточно.

— Сегодня. Цена меняется каждый день.

— Тогда укажите срок ответа до полудня послезавтра.

— Хорошо.

Лидия подняла синюю папку с картами.

— По полям предварительно пятьдесят четыре — шестьдесят один гектар. После документов может вернуться ещё четыре. Низину исключаю полностью.

Сергей медленно выдохнул. Ещё вчера нижняя граница была пятьдесят восемь.

— На пятидесяти четырёх экономика сходится?

— Если аренда будет не выше средней из трёх предложений, два участника подтвердят меньший объём, а вентиляцию будем ремонтировать по очереди.

— Слишком много «если».

— Поэтому это нижняя граница работы, а не обещание прибыли.

— Завтра совет спросит, почему поле уменьшилось снова.

— Потому что часть земли мокрая, у части нет подтверждённой истории, к одному участку нет оформленного проезда, а своего трактора у хозяйства нет.

— Очень вдохновляющий доклад.

— Пусть вдохновляются осенью, если будет чем.

Он улыбнулся, хотя усталость тянула плечи вниз.

— Вы знаете, что Григорий теперь всем скажет: приехала Корнева и запретила трактор?

— Знаю.

— А про наследство забудет.

— Напомните, если спросят. Только не говорите, что вы на моей стороне.

— А на чьей я?

Лидия посмотрела на него спокойно.

— На стороне одиннадцати людей, которым нужен честный расчёт. Иногда он совпадает с моим.

— А если перестанет?

— Тогда вы должны сказать первым.

Сергей хотел ответить легко, но не смог. Эта женщина не просила верности ей. Она просила заранее допустить день, когда он выступит против неё, и сделать это открыто. Именно поэтому доверять ей становилось опасно просто.

— Скажу, — пообещал он.

Вечером на ферме Сергей составил запрос аренды. Вписал пятьдесят четыре — шестьдесят один гектар, предполагаемые сроки, виды работ, доставку, топливо, простой и ответственность за поломку. Отправил трём владельцам техники одновременно, поставив в копию Тамару и Лидию.

Потом открыл общий журнал и добавил полчаса своей работы как услугу по сбору предложений. Рыночную стоимость взял не по председательской ставке, которой не существовало, а по цене диспетчера, найденной в прошлогоднем договоре кооператива.

Последней пришла фотография от Марины: пожелтевший паспорт трактора, имя Николая Державина, заводской номер. Под фотографией она написала: «Нотариус назначил приём через девять дней. До оформления прошу хранить, не использовать».

Сергей переслал сообщение Лидии. Ответ пришёл почти сразу: «Принято. В плане техники нет».

Он представил трактор в тёмном гараже: заправленный, собранный, готовый. Утром мотор снова завёлся бы с третьей попытки. Но готовность машины и право пустить её в поле оказались разными вещами.

Сергей внёс в расчёт полную цену аренды.

После этого хозяйство стало беднее ещё на одну исправную вещь. И впервые стало понятно, сколько эта вещь действительно стоила.

Глава 5. Первая борозда

В день, когда можно было начинать посадку, Лидия первым делом вычеркнула семь гектаров.

Она сделала это в шесть двадцать утра, сидя на подоконнике конторы с кружкой остывшего чая. За окном уже светлело. На дворе стояли два арендованных трактора, картофеле-сажалка и грузовик с закрытым кузовом. Люди приехали вовремя, семенной материал тоже, земля после трёх сухих дней держала технику. Всё наконец складывалось, и именно поэтому хотелось простить карте то, чего нельзя было простить полю.

Четыре гектара у северной границы не имели подтверждённой истории севооборота. Ещё три лежали за участком Державиных, а подписанного разрешения на проезд по их земле не было. Марина прислала проект соглашения вечером, но вторым наследником оказался её брат, работавший в Мурманске. Он обещал подписать бумагу через неделю. До его подписи дорога оставалась не общей привычкой, а чужой собственностью.

Лидия провела красным карандашом две линии. Рабочая площадь стала пятьдесят четыре гектара.

На столе лежали три предложения по аренде техники. Она выбрала не самое дешёвое. У дешёвого предложения цена была указана за смену, но не было ни слова о механизаторе, доставке и ремонте в поле. Второй владелец соглашался работать только за наличные и не хотел вписывать время простоя. Третье предложение прислала машинная станция из соседнего района: два трактора с механизаторами, доставка, топливо по факту, ставка за час работы и отдельная ставка за ожидание. Дороже на бумаге, зато бумага не притворялась, будто ожидания не бывает.

Лидия подписала заявку и приложила её к журналу расходов. Потом ещё раз пересчитала количество проверенных клубней. На пятидесяти четырёх гектарах запас оставался небольшим, но честным. Не было ни старой пристройки, ни обещанных четырёх гектаров, ни трактора, который будто бы принадлежал всем. Было то, чем хозяйство вправе распорядиться сегодня.

В половине седьмого во двор вошёл Григорий Матвеевич. Он поздоровался с Тамарой, которая ставила на подоконник папки, и прошёл мимо Лидии к щиту с ключами.

— От гаража не берите, — сказала Лидия. — Державинский трактор опломбирован.

— Я помню.

Он снял ключ от склада инструментов. После вчерашнего разговора механик обращался к ней только по необходимости. Лидия понимала его обиду лучше, чем показывала. Он годами чинил хозяйство тем, что находил, и считал свою находчивость частью зарплаты, которой ему часто не платили. Теперь пришла женщина с журналом и сообщила, что часть его заслуг невозможно законно принять. Для него это звучало так, будто прожитые годы тоже не прошли проверку.

— Григорий Матвеевич.

Он остановился.

— Сегодня вы нужны на разгрузке. Проверять номер партии на каждом поддоне, считать мешки и ставить отметку вместе со мной.

— Я механик.

— Поэтому увидите, если погрузчик начнёт рвать мешки или поддон пойдёт криво. И потому что мне нужен человек, который не постесняется остановить работу.

— Вы сами отлично останавливаете.

— Одну линию я буду вести в поле. За склад отвечаете вы. Если сомневаетесь — не разгружаете.

Он повертел ключ на пальце.

— А если шофёр начнёт торопить?

— Запишите простой. Мы его оплатим, если он возник из-за нашей проверки. Ничего бесплатного сегодня не будет.

Последние слова заставили его посмотреть на неё.

— Даже мой кофе?

— Кофе можете подарить кому хотите. Три часа работы погрузчика — нет.

Угол его рта дёрнулся, но улыбкой это ещё не стало.

К семи часам собрались механизаторы, двое сезонных рабочих и представители поставщика. Сергей приехал следом за машиной Зои Карповой. Он был в рабочей куртке и резиновых сапогах, но без привычной папки председателя. Лидия заметила это сразу.

— Вы сегодня кто? — спросила она.

— Представитель хозяйства Ладожиных на осмотре посадки. Зоя — от своего хозяйства. Решили, что двоих достаточно. Протокол совета у Тамары.

— Работать будете?

— Если понадобится — по той же ставке, что остальные сезонные. Если не понадобится, уеду после первого участка.

— Ваше хозяйство оплатит дорогу?

— Да.

Он ответил без паузы, и Лидия почувствовала почти смешное облегчение. Ей не придётся напоминать. Сергей учился не угадывать её желания, а видеть границу своей роли. Это было важнее красивой помощи, хотя благодарить за такое труднее.

Тамара вынесла во двор список партий. Лидия собрала всех у раскрытого кузова грузовика. Под брезентом лежали ровные ряды сетчатых мешков. На белых ярлыках были напечатаны сорт, номер партии и масса. Клубни выглядели чистыми, сухими, одинаковыми по размеру. После тёмной пристройки одно это зрелище могло убедить, что неприятности закончились.

— Сейчас сверяем документы и ярлыки, — сказала Лидия. — С каждой партии отбираем мешки по схеме. Смешивать партии в бункере нельзя. Остатки отмечаем и возвращаем в подписанную зону склада. Если ярлык потерян, мешок не идёт в поле, даже если все видели, откуда его сняли.

Водитель посмотрел на часы.

— У меня после вас ещё рейс.

— Время проверки внесено в договор.

— Обычно принимают по накладной.

— Обычно пусть принимают как хотят. Здесь семенное хозяйство.

Она не повысила голос. Водитель пожал плечами и отошёл к кабине.

Сергей стоял напротив, не вмешиваясь. Зоя Карпова держала копию накладной обеими руками. Она была самой молодой участницей кооператива и самой зависимой от срока: её собственный запас почти закончился, а отказ от этого заказа означал пропущенный год. В совете она говорила мало, зато сейчас проверяла каждую цифру.

На третьем поддоне Григорий Матвеевич поднял ладонь.

— Стой.

Погрузчик замер с вилами у дерева.

— На верхнем мешке ярлык от другой партии.

Представитель поставщика полез в кузов.

— Перецепили, наверное. Сорт тот же.

— Номер другой, — сказал механик.

— Там всё с одного склада.

Лидия подошла ближе, но не стала трогать мешок.

— Снимаем поддон в отдельную зону. Все мешки сверяем поштучно.

— Из-за одного ярлыка? — спросил представитель.

— Из-за одного несоответствия. Если оно одно, потеряем двадцать минут. Если не одно, не смешаем две партии.

Проверка заняла тридцать семь минут. Чужим оказался только верхний мешок. Его переставили к соответствующей партии, составили запись и сфотографировали ярлыки. Водитель шумно вздыхал. Григорий Матвеевич заполнил строку журнала крупным неровным почерком и подписался.

— Вот теперь можно? — спросил он.

— Теперь можно.

Он кивнул механизатору так, словно разрешение исходило от него. Лидия не стала поправлять. В эту минуту так и было.

Первая машина вышла к полю в восемь сорок. Лидия ехала в кабине сажалки и смотрела, как рабочие укладывают мешки в приёмный лоток. За ними двигался трактор, нарезаая ровные линии на серой земле. Гул проходил через сиденье и отдавался в позвоночнике. Пахло пылью, соляровкой и свежевскрытой почвой.

На краю участка стояли Сергей и Зоя. Зоя махнула рукой, когда показались первые борозды. Сергей снял шапку и провёл ладонью по волосам. В его лице было то выражение, которое появлялось у людей при виде начала настоящей работы: будто вчерашние подписи, цифры и споры наконец оправдались.

Лидия тоже хотела в это поверить. Но первые борозды ничего не оправдывали. Они только превращали решение в поступок, который уже нельзя отменить без потерь.

Через двести метров она попросила остановиться.

— Что случилось? — спросил механизатор Юрий.

— Проверка глубины.

Они вышли. Лидия разрыла гребень в трёх местах, измерила расстояние между клубнями, поправила настройку. В одном ряду подача шла слишком редко. Рабочий наверху сказал, что мешки крупнее предыдущих и клубни застревают у края.

— Уменьшаем скорость, — решила Лидия.

Юрий посмотрел на длинное поле.

— До вечера второй участок не закроем.

— Значит, не закроем.

— Ночью дождь обещали.

— Обещали после трёх. Если пойдёт раньше, остановимся.

Сергей подошёл, пока она проверяла следующий гребень.

— На станции есть сменная вставка для таких клубней, — сказал он. — Можно привезти за час.

— Она входит в аренду?

— Не знаю.

— Узнайте как представитель хозяйства, если хотите. Решение приму после цены и времени доставки.

Он отошёл звонить. Зоя присела рядом с Лидией и взяла в ладонь один клубень.

— Красивый, — сказала она.

— Красивый не значит урожайный.

— Вы всегда так портите людям радость?

Лидия села на корточки и засыпала клубень землёй.

— Стараюсь портить только ту радость, за которую потом придётся платить.

Зоя помолчала.

— Если бы вы посадили старые, площадь была бы больше?

— На карте — да.

— А в урожай?

— Никто не знает. Именно поэтому нет.

— Мне дома говорят, что вы перестраховываетесь. Что раньше сажали всё подряд и ничего.

— Ничего — это что?

Зоя провела пальцем по гладкой коже.

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Сколько потом выбраковали, что смешали, кто недополучил и почему хозяйство в итоге закрылось. Если прошлое нельзя посчитать, оно не становится хорошим только потому, что закончилось.

Сергей вернулся с ценой. Сменная вставка стоила как два часа простоя и могла быть на поле через сорок минут. Лидия попросила записать разговор сообщением и согласовала доставку. Пока ждали, люди не делали вид, что заняты. Отметили простой, разгрузили следующую партию в закрытую машину и поели прямо у края поля.

Лидия отошла к пикапу. На капоте лежала её карта с красными линиями. Сергей принёс две кружки чая из термоса и поставил одну рядом, не протягивая ей в руки.

— Это подарок или скрытая услуга? — спросила она.

— Чай из моего термоса. Себестоимость не установлена. Но могу выпить оба.

— Оставьте.

Он прислонился к крылу машины.

— Зоя спросила меня, почему сократили площадь.

— И что вы ответили?

— Потому что на семи гектарах мы не имеем права или достаточных сведений работать.

— Не «Лидия решила»?

— Нет.

— Спасибо.

Слово далось неожиданно легко. Сергей посмотрел на неё, потом на поле.

— Я вчера думал о Григории Матвеевиче. Мы правда пользовались его работой как бесплатной частью хозяйства. Все знали, что он чинит по вечерам, приносит своё, договаривается. И всем было удобно не спрашивать, сколько это стоит.

— Ему тоже было удобно иногда не спрашивать разрешения.

— Было. Одно другого не отменяет.

Лидия отпила чай. Он был крепким и слишком сладким.

— У меня на прежней работе начальник любил говорить: мы здесь семья. Обычно после этой фразы кто-нибудь должен был бесплатно выйти в воскресенье.

— А семья у вас есть?

Вопрос был произнесён спокойно, но воздух между ними изменился. Лидия посмотрела на его руки. На правой перчатке разошёлся шов у большого пальца.

— Мать в Твери. Старшая сестра под Петербургом. Бывший муж в Москве, если не переехал.

— Давно бывший?

— Шесть лет.

— Дети?

— Нет.

Она отвечала без раздражения, потому что могла не отвечать. Сергей не торопил и не превращал её короткие фразы в допрос.

— А у вас? — спросила она.

— Отец живёт со мной через двор. Сестра в Реченске, двое племянников. Был женат. Развелись девять лет назад. У неё другая семья в Ярославле.

— Дети?

— Нет.

Одинаковое слово прозвучало по-разному. У неё — как давно закрытая дверь. У него — как комната, в которую он иногда заглядывал.

Со стороны дороги послышался двигатель. Машина станции везла вставку. Лидия закрыла термос и вернула кружку.

— Спасибо за чай.

— Лидия.

Она подняла глаза.

— Если я спрашиваю не вовремя, вы можете не отвечать.

— Я знаю.

— Хорошо.

Он сказал это без обиды. Ей вдруг захотелось задержаться ещё на минуту, спросить, почему распался его брак, один ли он ужинает, кто выбирал синий термос. Но право спросить не исчезало вместе с минутой. А поле ждать не могло.

После замены вставки подача выравнилась. К полудню первая машина закончила западный участок. Лидия прошла по нему вдоль и поперёк, проверяя гребни. Земля ложилась ровно. На краю красовалась одна глубокая колея, где грузовик слишком резко взял поворот. Она поставила вешку и запретила следующей машине повторять путь.

Во втором часу позвонил Олег из городской администрации.

— У меня на столе ваше изменение плана, — сказал он. — Пятьдесят четыре гектара? В заявке было до шестидесяти пяти.

— В заявке был предварительный диапазон.

— Для отчёта выглядит как снижение.

— Это и есть снижение.

— Нельзя оставить в плане шестьдесят один, а по факту уточнить осенью? Если Державины подпишут, доберёте.

— После посадки площадь не добирают задним числом.

— Я не про заднее число. Я про рабочую цифру.

Лидия отошла от трактора, чтобы лучше слышать.

— Рабочая цифра — пятьдесят четыре. Четыре гектара вернутся только после документов о севообороте, три — после права проезда. Пока этого нет, их нет в плане.

— На конкурсе осенью комиссия увидит, что вы использовали меньше земли.

— Комиссия увидит причину.

— Или увидит, что прежний управляющий обещал больше.

Она посмотрела на поле. Вдали картофелесажалка двигалась медленно, почти торжественно. Пятьдесят четыре гектара были малы только рядом с цифрой, которую никто ещё не заслужил.

— Тогда комиссия выберет того, кто лучше обещает, — сказала Лидия. — Но я не стану занимать у будущего урожая семь несуществующих гектаров.

Олег вздохнул.

— Пришлите пояснение отдельным письмом.

— Уже отправила утром.

— Конечно отправили.

Он отключился. Лидия убрала телефон и увидела Сергея в нескольких шагах. Он явно слышал конец разговора.

— Не надо меня поддерживать, — сказала она.

— Я хотел спросить, нужна ли копия решения совета для письма.

— Нужна. Там должно быть видно, что кооператив уведомлён о сокращении.

— Отправлю Тамаре.

Он ушёл, и Лидия невольно улыбнулась. Рядом с ним становилось опасно удобно: он уже знал, что ей не нужны утешения вместо действия.

К трём часам небо на западе потемнело. Ветер поднял сухую землю с разворотной полосы. Механизаторы начали чаще смотреть вверх, но дождя пока не было. Вторая машина заканчивала участок, когда Григорий Матвеевич позвонил со склада.

— Тут остаток по первой партии не сходится, — сказал он.

— Насколько?

— Два мешка лишних по бумаге. По факту всё пересчитали трижды.

— Остановите выдачу этой партии. Я еду.

На складе выяснилось, что в накладной массу одного поддона внесли дважды, а количество мешков оставили верным. Посаженное можно было пересчитать по выданным мешкам, но итоговая масса не совпадала бы с документом поставщика. Представитель предложил исправить цифру ручкой.

— С вашей подписью и подписью водителя, — ответила Лидия. — И отдельный акт расхождения.

— Из-за двух мешков снова бумага?

— Не из-за мешков. Из-за ошибки в массе.

— Масса примерно такая и есть. Мешки не аптечные.

— Поэтому у нас есть весы.

Весы после поверки стояли у стены. Каждый мешок из спорного поддона взвесили. Разница оказалась меньше, чем следовало из накладной, но достаточно большой, чтобы осенью из неё вырос вопрос: куда делась часть материала. Представитель позвонил в контору поставщика, получил исправленный документ и подписал акт.

Григорий Матвеевич всё это время сидел у стола и молча складывал ярлыки в прозрачный пакет.

— Вы правильно остановили, — сказала Лидия, когда остальные вышли.

— Я считать умею.

— Я не сомневалась.

— Сомневались, можно ли мне трактор доверить.

— Чужой трактор я не могу доверить даже себе.

Он потёр ладонью седую щетину.

— Николай его сюда сам пригнал. Сказал: пока у вас нужнее, пусть стоит. Потом заболел, не забрал. Я думал, если почию, будто долг отдам.

— Кому?

— Ему.

Лидия села напротив.

— Тогда запишите всё, что сделали с трактором. Не для счёта Марине. Для истории машины. Если она оформит собственность и захочет договор, ваши записи будут важнее чужих воспоминаний.

— А расходы за три года как восстановить? Чеков нет.

— Не восстановим точно. Отделим то, что помните уверенно, от примерного. Где можно — найдём цену по старым закупкам. Где нельзя — так и напишем. Не надо превращать догадку в долг только потому, что вам действительно должны благодарность.

Он посмотрел на пакет с ярлыками.

— Неприятная вы женщина, Лидия Павловна.

— Знаю.

— Но мешок этот я бы пропустил раньше.

— А сегодня не пропустили.

На этот раз он всё-таки улыбнулся.

Дождь пришёл в четыре десять — редкими тяжёлыми каплями. Лидия остановила посадку раньше, чем колёса начали лепить землю. Механизаторы вывели технику на твёрдую дорогу. Рабочие закрыли материал брезентом и закрепили края. За день успели меньше намеченного, но каждый посаженный клубень имел номер партии, участок и строку в журнале.

Зоя уехала первой. Перед отъездом она попросила копию фактической ведомости, чтобы показать отцу.

— Он всё равно скажет, что пятьдесят четыре мало, — предупредила она.

— Пусть скажет на собрании.

— Вы не боитесь, что осенью вас не оставят?

Лидия посмотрела на мокнущее поле.

— Боюсь.

Зоя явно ждала продолжения, но его не было. Страх не давал полезного совета. Он только предлагал записать лишние гектары, открыть чужой гараж и назвать старые клубни запасом.

Когда машины уехали, во дворе остались Лидия, Сергей и Григорий Матвеевич. Механик запирает склад. Сергей собирал со стола копии актов. Дождь барабанил по металлическому козырьку.

— Вас подвезти? — спросил Сергей.

Лидия собиралась ночевать в маленькой комнате при конторе, хотя договор разрешал это только до конца недели. Матрас лежал прямо на полу, душ работал через раз, а чайник выключал пробки. Она никому не говорила, потому что временное неудобство казалось меньшей зависимостью, чем просьба о помощи.

— Мне некуда ехать, — сказала она.

Сергей нахмурился.

— В смысле?

— Я пока живу здесь.

— В конторе?

— В комнате отдыха.

— Там нельзя жить.

— До первого мая можно по акту города.

— Там проводка старая.

— В жилой комнате электрик заменил розетку. Обогреватель запрещён.

— И что потом?

— Сниму жильё.

— Когда найдёте?

В его голосе появилась та самая интонация, которой он предлагал решить чужую трудность до того, как его просили. Лидия устала, промокла и потому ответила резче, чем хотела.

— Не предлагайте мне дом вашей тёти, свободную комнату сестры или половину собственной кухни.

Он убрал бумаги в папку.

— Я собирался предложить телефон женщины, которая сдаёт комнату над аптекой. Она не моя родственница и голосует на выборах как хочет.

Лидия закрыла глаза. Дождь шумел так громко, что извинение можно было произнести почти неслышно.

— Простите.

— За что именно?

— За готовый список ваших намерений.

— Я иногда его заслуживаю.

— Но не сейчас.

Сергей достал телефон.

— Записать номер?

— Сначала условия. Цена, срок, отдельный ключ, можно ли заключить договор.

— Конечно.

Он не улыбнулся, но в глазах появилось тепло. Они стояли под узким козырьком слишком близко для людей, обсуждавших аренду комнаты, и достаточно далеко, чтобы расстояние можно было сохранить без усилия.

— Сегодня вы посадили меньше, чем хотели, — сказал он.

— Гораздо меньше.

— И всё равно это первый день, когда хозяйство снова стало хозяйством.

Лидия посмотрела туда, где за стеной дождя исчезало поле.

— Нет. Оно станет хозяйством, когда сможет объяснить каждый свой мешок и рубль без меня.

— Тогда сегодня оно хотя бы начало учиться.

Она хотела возразить, но не нашла точной причины. Сергей протянул ей листок с номером хозяйки комнаты. Не коснулся пальцев, хотя мог. Это маленькое неслучившееся прикосновение Лидия почувствовала сильнее, чем если бы он взял её за руку.

Григорий Матвеевич дёрнул дверь склада, проверяя замок.

— Всё, — сообщил он. — Проверенный материал справа, остатки первой партии отдельно, спорных мешков нет. Пломба на месте.

Лидия внесла время в журнал. Пятьдесят четыре гектара оставались на карте. За день они успели засадить только часть первого участка. В графе простоя появились реальные часы, в расходах — вставка, на складе — исправленная масса. Ни одна цифра не выглядела победой.

Но первая борозда была прямой.

Глава 6. Дом на сезон

Сергей понял, что нарушил собственное обещание, когда поставил в багажник раскладушку.

Она лежала в сарае у отца с тех времён, когда племянники приезжали на рыбалку. Крепкая, широкая, с новым матрасом. Лидия сказала, что ночует в комнате отдыха на полу, и ему показалось естественным привезти вещь, которая всё равно никому не нужна. Не жильё, не деньги, не одолжение, способное повлиять на решение хозяйства. Просто раскладушка.

Он успел захлопнуть багажник, потом снова открыл его.

Отец наблюдал с крыльца. В руках у него была миска с комбикормом для кур.

— Передумал ночевать в машине? — спросил он.

— Это не мне.

— Вижу. Тебе коротка.

Сергей вынул раскладушку и прислонил к стене сарая.

— Вот теперь не вижу, — сказал отец.

— Женщина снимает комнату. Пока живёт на работе.

— Та агроном?

— Та агроном.

— И раскладушка ей мешает снять комнату?

Сергей посмотрел на него.

— Ты всегда всё понимал и притворялся молчаливым?

— Нет. Иногда молчал, пока ты сам поймёшь.

Отец рассыпал корм по двору. Куры бросились к зерну, толкая друг друга боками.

— Я хотел помочь, — сказал Сергей.

— Помоги тому, кто попросил.

— Если человек не просит из гордости?

— Тогда спроси, нужна ли помощь.

— Она скажет нет.

— Значит, ответ есть.

Сергей отнёс раскладушку обратно. В машине осталась коробка с двумя настольными лампами для конторы. Их покупку одобрил совет, чек лежал в папке, и Лидия сама написала модель после проверки проводки. Эти лампы он мог везти без внутреннего суда.

Утро после дождя было ясным, но на поле до полудня делать было нечего. Техника стояла у дороги, земля в бороздах блестела. Лидия назначила проверку склада и пересчёт материала, а посадку перенесла. Сергей ехал в хозяйство как представитель покупателей и повторял про себя эту формулировку, будто должность могла удержать мысли в нужном порядке.

Лидии во дворе не оказалось. Тамара приняла лампы, сверила чек и показала на контору.

— Она с хозяйкой комнаты разговаривает.

— С Верой Андреевной?

— С ней. Уже двадцать минут торгуются из-за холодильника.

— А что с ним?

— Вера Андреевна говорит, что он есть. Лидия Павловна спрашивает, работает ли.

Сергей улыбнулся.

— Разумный вопрос.

— У нас тут не принято так подробно снимать комнату.

— Поэтому потом три месяца спорят, кто сломал кран.

Тамара посмотрела на него поверх очков.

— Вы уже на её стороне?

— Я на стороне крана, который лучше проверить заранее.

Он вошёл, постучав по косяку. Лидия сидела за столом напротив Веры Андреевны, владелицы аптеки на первом этаже старого купеческого дома. Между ними лежал лист с перечнем имущества. Вера Андреевна была женщиной лет шестидесяти, аккуратной и стремительной. Она умела одновременно продать лекарство, отчитать поставщика и узнать, кто к кому приехал на выходные.

— Вот и посредник, — сказала она.

— Нет, — одновременно ответили Сергей и Лидия.

Вера Андреевна подняла брови.

— Тогда зачем пришёл?

— Привёз лампы хозяйству. Могу уйти.

Лидия посмотрела на часы.

— Через десять минут у нас осмотр склада. Подождите, пожалуйста.

Просьба прозвучала обыкновенно, но Сергей почувствовал благодарность: она не выставила его, чтобы доказать самостоятельность.

— Так вот, — продолжила Вера Андреевна. — Холодильник включается. Морозит он или нет, я не проверяла. Жила студентка, не жаловалась.

— Когда она съехала?

— В декабре.

— Можно сегодня включить и вечером посмотреть температуру?

— Можно. Но если вы въедете завтра, залог сразу.

— Половина месячной платы, как вы написали?

— Да.

— В договоре сказано, что он возвращается после выезда, если нет ущерба. Давайте приложим фотографии комнаты и перечень повреждений.

— Да какие там повреждения? Царапина на столе.

— И пятно у окна, и трещина в раковине.

Вера Андреевна вздохнула.

— Вы там уже были?

— Я пришла в семь. Вы показали мне комнату перед аптекой.

— В семь утра люди ещё добрые.

— Поэтому всё записали без ссоры.

Сергей сел у окна и заставил себя не вмешиваться. Он знал, что кран в комнате действительно подтекал прошлой зимой. Знал, что общий счётчик электричества стоял на лестнице, а отдельного не было. Знал даже, что Вера Андреевна обычно брала с жильцов деньги за свет поровну с соседней квартирой. Все эти сведения могли пригодиться Лидии. Но если он начнёт подсказывать при хозяйке, переговоры перестанут быть между двумя женщинами. Его городская осведомлённость ляжет на стол как лишняя гиря.

Лидия дошла до оплаты электричества сама.

— По счётчику, — сказала Вера Андреевна.

— Он отдельный?

— Общий на этаж.

— Тогда как определяется моя доля?

— Раньше делили пополам.

— В соседней квартире живут трое и есть стиральная машина. Я одна, стирать буду в прачечной.

— Прачечной в Реченске нет.

— Есть при гостинице. Я спросила.

Вера Андреевна посмотрела на Сергея, словно он отвечал за появление прачечной.

— Можно поставить розеточный счётчик на холодильник и чайник, — сказал он и тут же пожалел, что заговорил.

Лидия повернулась к нему.

— Это разрешено собственником?

Теперь вопрос адресовался Вере Андреевне.

— Если электрик поставит, — ответила та. — Только стену не ломать.

— Переносной измеритель вставляется в розетку, — объяснил Сергей. — Ничего ломать не надо.

— Тогда покупаете сами.

— Запишем, что расчёт по показаниям такого прибора, — сказала Лидия. — Общий свет лестницы включён в аренду.

Вера Андреевна постучала ручкой по столу.

— Вы на один сезон комнату берёте, а договор будто аптеку покупаете.

— На один сезон мне тоже нужно знать, за что я плачу.

— Боитесь, обману?

— Я хочу, чтобы ни одна из нас не доказывала осенью, что имела в виду другое.

Это была та же мысль, с которой Лидия принимала клубни и отказывалась от трактора. Сергей вдруг увидел, какой усталой она, должно быть, кажется людям. Любую тёплую неопределённость она превращала в строку. Но строка защищала обе стороны, а не только её. Город привык считать подробность недоверием, потому что доверие здесь часто требовали авансом и возвращали как получится.

— Ладно, — сказала Вера Андреевна. — Вечером проверим холодильник. Если морозит, завтра въезжаете. Ключ у вас отдельный, гостей водите до десяти, ночью тишина.

— Гости я могу принимать в любое время, если не нарушаю тишину, — ответила Лидия. — Это аренда комнаты, не койки в общежитии.

— Мне проходной двор не нужен.

— Мне тоже. Но я не соглашусь, чтобы собственник определял, кто может ко мне прийти.

Сергей уставился в окно. Разговор внезапно коснулся его, хотя ни одна не произнесла имени. Он не собирался ходить к Лидии. Во всяком случае, пока. Во всяком случае, без приглашения. Однако запрет незнакомой женщины вызвал в нём нелепое раздражение.

Вера Андреевна собрала бумаги.

— Тогда ищите квартиру.

Лидия не стала удерживать её.

— Хорошо. Спасибо, что показали комнату.

Хозяйка дошла до двери, остановилась и обернулась.

— После одиннадцати тихо. Кто приходит — ваше дело. Если соседи жалуются дважды, расторгаем договор с предупреждением за неделю.

— Это подходит.

— И пятно у окна впишем.

— Спасибо.

Когда дверь закрылась, Сергей выдохнул.

— Вы нарочно оставляете самое трудное напоследок?

— Я не знала, что это будет самым трудным.

— В Реченске холодильник обсуждают свободнее гостей.

— Учту местный обычай.

Она сложила проект договора и убрала в папку.

— Вы знали про электричество?

— Да.

— Почему молчали?

— Это были ваши переговоры.

— А про переносной счётчик сказали.

— Не выдержал.

Лидия посмотрела на него пристально, потом кивнула.

— Полезно сказали. Спасибо.

— У меня в сарае есть раскладушка.

Он произнёс это и мысленно выругался. Лидия медленно закрыла папку.

— Есть, — продолжил Сергей. — Я собирался привезти, но не привёз. Рассказываю, чтобы не выглядеть лучше, чем есть.

Несколько секунд она молчала. Потом неожиданно рассмеялась. Не коротко и вежливо, как раньше, а по-настоящему, запрокинув голову. Сергей смотрел и чувствовал, как собственная глупость превращается в счастье.

— Это самый странный отчёт о несовершенной услуге, который я слышала, — сказала она.

— У нас открытый учёт.

— Раскладушка осталась у вас?

— В сарае.

— Отлично. Там ей и место.

— Согласен.

Они пошли на склад. Григорий Матвеевич уже разложил ярлыки по папкам и подготовил ведомость остатков. На дальней площадке под навесом стояли два трактора. Посадку можно было возобновить после полудня, если верхний слой земли подсохнет.

Сергей проверял номера партий от имени кооператива. Лидия работала на другом конце склада, считая мешки с Тамарой. Между ними было двадцать шагов, металлические стойки и несколько тонн картофеля, но он всё время знал, где она находится. По голосу определял, когда она спорит, когда устала, когда нашла расхождение. Это мешало работе сильнее, чем он хотел признать.

После полудня почва оставалась тяжёлой. Лидия отложила выход техники ещё на два часа. Механизаторы получили оплату ожидания по договору, сезонным рабочим предложили складскую работу по той же ставке. Один из них, Антон, спросил, нельзя ли просто начать с песчаного края.

— Проехать к нему можно только через мокрую середину, — ответила Лидия.

— По обочине проскочим.

— А потом будем чинить колею и уплотнённую почву. Ждём.

Антон пожал плечами. Сергей видел, как нетерпение охватывает людей. Техника стояла, деньги уходили, солнце светило. Со стороны ожидание казалось трусостью. Чтобы остановить работающую машину, нужна была причина; чтобы не запускать её, приходилось доказывать, что причина уже существует.

К двум часам верхний слой начал крошиться в руке. Лидия разрешила пробный проход без загрузки, проверила след колёс и только потом дала команду продолжать. Рабочий день сдвинулся к вечеру.

Сергей должен был уехать на свою ферму. Там меняли насос в молочном блоке, и отец уже дважды звонил. Он подошёл к Лидии у края поля.

— Я уезжаю. Зоя вернётся к четырём и подпишет итог от покупателей.

— Хорошо.

— Вера Андреевна позвонит вам сама насчёт холодильника.

— Хорошо.

Он ждал ещё чего-то, но не понимал чего. Возможно, вопроса о раскладушке. Возможно, просьбы приехать вечером. Лидия смотрела на движение сажалки.

— Сергей.

— Да?

— У вас шов на перчатке разошёлся.

Он поднял правую руку.

— Вчера ещё.

— Зашейте. Иначе разорвёте ладонь, когда будете менять насос.

— Откуда вы знаете про насос?

— Вы два раза сказали отцу, что скоро будете.

— Я говорил тихо.

— Вы плохо умеете говорить тихо.

Она наконец посмотрела на него. В её взгляде было заботы ровно столько, сколько она позволяла себе показывать. Сергей кивнул.

— Зашью.

На ферме насос оказался хуже, чем ожидали. Корпус треснул у крепления, запасной не подходил по размеру. Пришлось ехать в мастерскую, искать переходник и переносить вечернюю промывку линии. Отец работал молча, племянник Костя подавал ключи. Только в седьмом часу они запустили воду и убедились, что соединение не течёт.

— Перчатку сними, — сказал отец.

— Зачем?

— Кровь на ней.

Разошедшийся шов действительно натёр кожу у большого пальца. Сергей вымыл руку, заклеил ссадину и вспомнил Лидию. Он едва не написал ей фотографию зашитой перчатки, но остановился. Такой снимок требовал бы ответа и делал из обычного совета маленькую тайну между ними. А они пока ничего не обещали друг другу, даже переписки по вечерам.

Телефон зазвонил сам. Это была Зоя.

— Мы закончили второй участок, — сказала она. — Лидия Павловна подписала ведомость. Я тоже. Ещё Вера Андреевна приехала за ней с чемоданом.

— С каким чемоданом?

— С Лидиным. Наверное. Они сейчас вещи перевозят.

— Вера Андреевна сама приехала?

— Да. Сказала, холодильник морозит так, что ложка прилипает.

Сергей рассмеялся.

— Значит, договорились.

— Похоже. А вы почему спрашиваете?

— Я дал телефон хозяйки.

Зоя промолчала чуть дольше, чем требовал ответ.

— Понятно.

Ему не понравилось это «понятно». В маленьком городе одна переданная фамилия быстро обрастала подробностями, которых не было.

— Зоя, это личное дело Лидии Павловны. На совете обсуждать его не нужно.

— Я и не собиралась.

— Хорошо.

— Сергей Михайлович, я не ребёнок.

— Знаю. Простите.

После разговора он остался у двери молочного блока. Нельзя было одновременно хотеть близости с Лидией и надеяться, что никто ничего не заметит. Но замеченная симпатия ещё не была отношениями, а слух уже мог изменить голоса совета. Виктор использует его при первом споре. Другие начнут искать особые условия там, где их нет, или, наоборот, станут строже, чтобы доказать беспристрастность.

Сергей открыл рабочий чат совета. Написал, что посадка на втором участке завершена, представитель покупателей Зоя Карпова подписала ведомость, остатки сверены. Потом добавил копию документа. Ни слова о комнате, чемодане и Вере Андреевне.

В половине девятого Лидия прислала ему короткое сообщение: «Договор подписан. За контакт спасибо. Раскладушка не понадобилась».

Он прочитал дважды. Ответил: «Перчатка зашита».

Три точки появились почти сразу, исчезли, потом появились снова.

«Считаю вопрос закрытым».

Сергей убрал телефон и пошёл ужинать. Отец поставил на стол картошку, солёные огурцы и сковороду с котлетами. На спинке стула лежала старая рубашка, которую он собирался чинить.

— Комнату сняла? — спросил отец.

— Сняла.

— Раскладушка не понадобилась?

— Не понадобилась.

— А ты расстроился.

— Нет.

Отец разрезал котлету.

— Хорошо. Значит, мне показалось.

Сергей сел напротив.

— Мне не нужно, чтобы она от меня зависела.

— Это правильные слова.

— И что с ними не так?

— Ничего. Только ты произносишь их так, будто зависимость — единственный способ быть нужным.

Сергей хотел возразить, но вилка остановилась в руке. Он действительно привык измерять своё место количеством решённых чужих задач. На ферме это работало: если насос сломан, его чинят; если телёнок заболел, вызывают врача; если отец не успевает, Сергей остаётся. В кооперативе его выбрали за то же самое. Он звонил, договаривался, подвозил, находил человека с ключом. Помощь была его языком, и теперь Лидия отказывалась говорить на нём без перевода в цену и полномочия.

— А как ещё быть нужным? — спросил он.

Отец пожал плечами.

— Иногда человеком интересуются, когда от него ничего не надо.

— Очень полезный совет от тебя.

— Я никогда не говорил, что умею ему следовать.

После ужина Сергей поднялся в свою половину дома. Окна выходили на тёмный двор и сарай, где стояла ненужная раскладушка. Он зашил перчатку толстой чёрной ниткой. Стежки получились кривыми, зато шов держался.

На следующий день совет собирался для промежуточной сверки расходов. Сергей заранее попросил Тамару включить в ведомость простой техники, дополнительную вставку и уменьшенную площадь. Он не сообщил, что нашёл Лидии жильё, потому что это не было расходом хозяйства. Но теперь понимал: если между ними произойдёт что-то большее, молчание уже нельзя будет назвать частным делом. Оно станет сведением о человеке, который ведёт заседания по её договору.

Утром он приехал к аптеке раньше открытия. Не затем, чтобы увидеть Лидию. Ему нужно было купить пластыри для фермы, и аптека была единственной по дороге. Он повторил это объяснение, паркуясь у крыльца.

Окно комнаты на втором этаже было открыто. На подоконнике стояла кружка. Лидия появилась на секунду, поправила занавеску и заметила его машину. Сергей поднял зашитую перчатку. Она покачала головой, но улыбнулась.

Он не стал подниматься. Купил пластыри у Веры Андреевны, получил чек и вышел.

Комната была её. Договор — её. Ключ — её. Даже право пригласить его или не пригласить принадлежало только ей.

От этой мысли Сергей впервые почувствовал не бесполезность, а спокойствие.

Глава 7. Аванс

Лидия поняла, что денег не хватает, не по итогу внизу таблицы, а по Тамариному молчанию.

Обычно бухгалтер читала цифры вслух: аренда сажалки, горючее, оплата ожидания после дождя, перевозка материала. В это утро она дошла до строки «лабораторные исследования», сняла очки и положила их на ведомость.

— Если всё это оплачивать сейчас, до конца месяца остаётся семьдесят восемь тысяч, — сказала она.

— Семьдесят восемь четыреста, — поправила Лидия.

— На бумаге. Банк возьмёт за переводы, и ещё не пришёл счёт за последнюю машину.

За окном Григорий Матвеевич заводил погрузчик. Стартер кашлянул дважды, потом двигатель загудел ровно. Посадку закончили накануне. Поле лежало за дорогой тёмными гребнями, и начиналась та часть работы, которая со стороны казалась ожиданием. Но клубни под землёй не превращались в будущий материал сами собой. Нужно было следить за всходами, брать образцы, разделять участки, не позволять людям и технике переносить землю с одного сектора на другой. И платить за сведения раньше, чем появится урожай.

Лидия придвинула к себе три предложения лабораторий. Самым дешёвым было исследование, которое показывало только часть нужных инфекций. Самым дорогим — выезд специалиста, отбор по схеме и полный набор проб в несколько сроков. Между ними лежало предложение областной станции: они могли принять материал, если хозяйство само правильно отберёт и доставит его.

— Что можно перенести? — спросила Тамара.

— Вторую проверку почвы на дальнем участке. Мы туда не сажали.

— Уже перенесли.

— Анализ воды из новой скважины нужен до полива. Его не трогаем. Проверку исходных клубней мы сделали. Следующая — по листу после всходов. Потом перед удалением больных растений и перед уборкой.

— Я спрашиваю, что можно не делать.

Лидия посмотрела на три листа.

— Если я сейчас выберу, что не делать, то должна записать, какой риск мы принимаем. Не просто убрать строку.

Тамара надела очки.

— Тогда записывайте. Потому что зарплату риском не выдашь.

В голосе не было упрёка. Именно поэтому слова легли тяжело. Авансы одиннадцати хозяйств поступили не полностью. По договору первая часть оплачивала закупку и посадку, вторая — уход и проверки после совместного осмотра поля. Так участники кооператива защищали себя от пустых обещаний: сначала хотели увидеть всходы. Лидия считала это разумным, когда читала договор в городской администрации. Тогда ей казалось, что первой части хватит до осмотра. Она заложила аренду техники с небольшим запасом, но не предусмотрела задержку из-за дождя, замену вставки сажалки и подорожание материала после отказа от старых клубней.

На подоконнике стояла кружка, которую она привезла вчера в новую комнату, а утром зачем-то забрала на работу. Белая, с синей полосой. Самая обыкновенная вещь вдруг напоминала: теперь каждый вечер ей есть куда возвращаться. Комната стоила денег, но эти деньги были её личными и к ведомости не относились. Эта граница успокаивала.

Лидия открыла чистый лист.

— Сколько нужно оставить до конца месяца без лаборатории?

Тамара назвала сумму: зарплата, горючее для междурядной обработки, связь, электричество, мелкий ремонт, резерв на поломку опрыскивателя. Лидия переспросила каждую строку. Потом отняла обязательные расходы от остатка.

— На первый выезд хватает. На полный набор после всходов — нет.

— Можно попросить кооператив перечислить вторую часть раньше.

— Попросить можно. Требовать — нет.

— Они же свой картофель ждут.

— Они ждут картофель хозяйства. Пока он не принят, он не их.

Тамара взглянула поверх очков.

— Это вы Сергею Михайловичу будете объяснять?

— Всем одиннадцати.

Она позвонила Сергею. Хотела попросить приехать немедленно, но остановилась. Не авария. Не его обязанность бросать ферму из-за того, что она поздно увидела кассовый разрыв.

— Когда у вас сегодня есть полчаса как у председателя? — спросила она.

— После двух. Что случилось?

— Не хватает оборотных денег на утверждённые пробы. Нужен внеочередной совет.

Он помолчал.

— Насколько не хватает?

— Скажу после того, как получу окончательный счёт. Сейчас диапазон от ста сорока до двухсот десяти тысяч.

— Я могу собрать людей вечером.

— Сначала приезжайте вы и Надежда. Я покажу расчёт. Потом решите, нужен ли весь совет.

— Лидия, если пробы были в плане, почему денег нет?

Вопрос был правильным. Всё равно она почувствовала, как напряглись плечи.

— Потому что план изменился. Полный ответ будет в ведомости.

— Хорошо. В два тридцать.

Он не стал успокаивать её и не предложил денег. После вчерашней переписки с перчаткой ей хотелось услышать в его голосе что-то личное, хотя именно сейчас это было бы некстати. Лидия закончила разговор и отметила на листе время.

До обеда они с Тамарой разбирали расходы по одному. Дополнительная цена клубней была неизбежной после отказа от партии без истории. Простой техники возник из-за дождя, но решение ждать сохранило поле. Вставку заменили из-за размера клубней; без неё повреждений было бы больше. Ни одна строка не выглядела расточительством. Вместе они съели деньги, предназначенные для будущих проверок.

— Если бы город дал обратную ссуду, — сказала Тамара, — всё бы сошлось.

— В условиях сезона её нет.

— Павел Аркадьевич может провести через хозяйственный резерв.

— На каком основании?

— Найдёт.

— Тогда осенью кто-нибудь спросит, почему конкурс выиграла организация, которую до конкурса спасали из резерва.

Тамара вздохнула.

— В Реченске вы долго не проживёте с привычкой заранее спорить с теми, кто ещё ничего не сказал.

— Я не спорю. Я хочу, чтобы предложение сначала появилось на бумаге.

Перед обедом позвонили из областной станции. Сотрудница по фамилии Барышева уточнила площадь и число отдельных партий. Лидия перечислила сорта, даты посадки и сектора.

Цена оказалась ближе к верхней границе: материал нельзя было считать одной партией только потому, что он рос на одном поле.

— Если объедините отбор, будет дешевле, — сказала Барышева. — Но в заключении мы не разделим сектора.

— А если один даст положительный результат?

— Ограничение пойдёт на объединённую пробу. Потом будете пересдавать отдельно.

— Значит, экономии нет.

— Если всё чисто, есть.

Лидия записала фразу дословно. Экономия существовала только при удачном исходе. При плохом она становилась двойной оплатой и потерянным временем.

— Пришлите два счёта, — попросила она. — На отдельный отбор и на объединённый. И коротко укажите последствия положительной объединённой пробы.

— Это и так понятно специалисту.

— Мне нужно объяснить людям, которые платят.

— Тогда пришлю памятку.

К двум часам на столе лежала ведомость из пяти страниц. На первой — полученные авансы и остаток. На второй — отклонения от плана. На третьей — обязательные расходы до следующего платежа. На четвёртой — три способа сократить исследования и цена каждого решения. На пятой Лидия оставила пустое место для решения совета.

Надежда приехала раньше Сергея. Она вошла в контору в рабочих сапогах, поставила у двери сумку и сразу попросила чай.

— Я после коровника, — сказала она. — Если разговор долгий, кормите сахаром.

Лидия налила чай и подала вазочку. Надежда взяла кусок рафинада, но не опустила в кружку, а положила рядом.

— Сергей сказал, у нас дыра.

— Не дыра. Недостаток денег между платежами.

— Когда денег нет, они одинаково называются.

— Тогда давайте посмотреть, куда они ушли.

Надежда прочла первую страницу быстро, на второй задержалась. Она не спрашивала, зачем отказались от старых клубней: присутствовала при том решении. Зато обвела ручкой простой техники.

— За дождь мы заплатили восемьдесят шесть тысяч?

— За время, когда арендованная техника была у нас и не могла уйти на другой заказ.

— Арендатор мог снять плату.

— Мог. Не снял. У нас было три предложения; это всё равно осталось самым выгодным.

— Сергей голосовал?

— Нет. Его хозяйство не участвовало в отборе, предложение утвердили вы и Зоя.

Надежда кивнула, вспомнив.

— Хорошо. Дальше.

Она добралась до вариантов лаборатории и постучала ногтем по сумме.

— На вид всё просто. Берём дешёвый вариант. Если что-то найдут, пересдаём.

— Если в объединённой пробе найдут, мы остановим все три сектора до отдельного результата.

— А если не найдут, сэкономим почти семьдесят тысяч.

— Да.

— Вы думаете, найдут?

— У меня нет основания так думать. И нет основания обещать обратное.

— Тогда чего вы хотите от нас?

— Решения, кто принимает этот риск и кто оплачивает последствия. Я могу выбрать схему как агроном, но деньги дали одиннадцать хозяйств. Если экономим на отдельном отборе, все должны понимать, что при плохом результате срок сдвинется для всех.

Надежда отложила лист.

— Зачем тогда наняли вас, если каждую пробирку будем решать голосованием?

— Не каждую. Способ отбора выбираю я. Но договор обещал отдельный контроль партий. Чтобы выполнить обещание, нужна вторая часть аванса раньше осмотра. Изменить срок платежа без вас я не могу.

Сергей вошёл, когда Надежда дочитывала последнюю страницу. На нём была чистая рубашка, но волосы ещё хранили полоску пыли у виска. Он поздоровался с Тamarой, сел не рядом с Лидией, а напротив, возле Надежды.

Лидия заметила этот выбор и рассердилась на себя за то, что заметила.

— Показывайте сначала, — сказал он. — Потом буду спрашивать.

Она повторила расчёт. Говорила о цифрах, не защищаясь. Сергей листал медленно. Возле расходов на материал остановился.

— Цена выросла на восемь процентов, а общая сумма почти на двенадцать.

— Добавилась доставка двух отдельных партий. Их нельзя было загрузить вместе в день, который предлагал поставщик.

— Почему доставка не вынесена отдельной строкой?

— Она есть в приложении, но здесь я объединила её с закупкой.

— Разделите. Иначе выглядит так, будто подорожали клубни.

— Согласна.

Сергей поднял глаза. В них не было ни поддержки, ни желания поймать её на ошибке. Только сосредоточенность человека, отвечающего за чужие деньги. Лидия знала, что именно этого от него потребовала бы. Но всё равно ей стало холодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.